

18+

С. А. Занковский

Воспоминания

1887—1917

Детство Юность Записки об отце

С. А. Занковский

**Воспоминания. Детство.
Юность. Записки об отце**

«Издательские решения»

Занковский С. А.

Воспоминания. Детство. Юность. Записки об отце /
С. А. Занковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626806-7

Книга мемуаров Сергея Александровича Занковского представляет собой уникальные записки, отражающие жизнь и события в России с конца XIX века до революции 1917 года. Описание московского общества и быта усадьбы соседствует с детскими впечатлениями от учебы в школах Германии и Англии. Это не только личные воспоминания и история семьи, но и документ, оставленный человеком, на молодость которого пришлось Русско-японская война, первая русская революции, первая мировая война и события 1917 года.

ISBN 978-5-00-626806-7

© Занковский С. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие составителя	6
Зинаида Сергеевна Занковская	7
С. А. Занковский	9
Ранние воспоминания	9
Начало ученья	12
В Пятовске	15
Едем в Петрозаводск	20
В Петрозаводске	23
Наше учение за границей	29
Школа в Марктбрейхе	33
Наши воскресные развлечения в Марктбрейхе	36
На лечение в Лейпциг	38
Проездом в Швейцарии	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Воспоминания Детство. Юность. Записки об отце

С. А. Занковский

© С. А. Занковский, 2024

ISBN 978-5-0062-6806-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие составителя

Записки Сергея Александровича Занковского (1887—1972), моего деда, были написаны им в конце 1960-х годов и переданы его дочери (моей матери), Зинаиде Сергеевне Занковской (1916—2003). Дед надеялся, что их можно будет опубликовать. Мама отредактировала рукопись и снабдила предисловием, но до публикации дело не дошло. Не знаю, почему так получилось, возможно из-за отсутствия времени и средств. Мне известно только, что мама отпечата на машинке несколько экземпляров для родственников, а потом, когда вышла на пенсию, попробовала написать продолжение и рассказать о жизни родителей в послереволюционное время.

Сейчас, наконец, появилась возможность выполнить желание деда и опубликовать его воспоминания с рождения до революции и записки о его отце, Александре Николаевиче Занковском.

Зинаида Сергеевна Занковская (1916— 2023)

Предисловие к запискам Сергея Александровича Занковского

Мой отец, Сергей Александрович Занковский, родился в Москве в 1887 году. Отец Сергея Александровича, Александр Николаевич Занковский – потомственный дворянин, имевший родовое поместье около г. Стародуба Черниговской губернии, овдовев, поселился с четырьмя детьми в Москве в семидесятых годах прошлого (девятнадцатого) столетия. Здесь он женился вторым браком на Софье Васильевне, урождённый Gartner или Гартнер (в другом произношении Гертнер), остзейской (прибалтийской) немке-лютеранке, приехавшей с отцом и сестрами в Москву также в 70-х годах девятнадцатого столетия.

Софья Васильевна родила в 1885 году сына Николая, затем в 1887 году – Сергея (моего отца) и умерла, оставив Александра Николаевича с двумя малышами. Александр Николаевич к тому времени приобрёл некоторое состояние и купил дом в Москве на Немецкой улице.

После смерти Софьи Васильевны Александр Николаевич вдовствовал около двух лет, а потом женился на ее младшей сестре Эмме. Этот брак был неудачным и закончился разводом. Но до того, в 1897 году, по несчастному стечению обстоятельств, которые мой отец подробно описывает в своих записках, Александр Николаевич попал под суд, был лишен дворянства и выслан в ссылку в Петрозаводск.

До ареста и даже будучи в ссылке дед по мере своих сил и возможностей старался разнообразить воспитание детей: нанимал различных учителей и гувернанток. Братья Николай и Сергей, окончив реальное училище Фидлера, знали два языка: немецкий, который был в семье со стороны матери, и английский, который они выучили мальчиками, обучаясь в пансионе в Англии.

По окончании реального училища Сергей Александрович женился и поступил на юридический факультет Московского Лицея в память Цесаревича Николая (неофициально: Катковский лицей).

Ещё не окончив лицея, отец женился, и в 1908 году родилась дочь Тамара. Брак отца оказался ненужным ни отцу, ни его жене, и в 1911 году они разошлись. Дочь осталась у матери. В этот же год отец окончил Лицей и начал работать судебным следователем. Второй раз он женился в 1913 году на Зинаиде Васильевне Юдиной (моей матери), урожденной Шмельковой. Отец увел Зинаиду Васильевну от её мужа, механика по мотоциклам, снимавшего помещение для мастерской в доме Занковских на Немецкой улице. Говорят, что отец увез ее на мотоцикле, который он брал у того же Юдина напрокат.

Зинаида Васильевна родила в 1914 году сына Александра, умершего через три года, затем меня, названную в её честь Зинаидой, и в октябре 1917 года сестру Людмилу, умершую в 1978 году.

За эти годы отец, отработав положенный срок следователем, принял присягу и стал работать полицейским помощником присяжного поверенного. Работу свою отец любил и с небольшими перерывами, вызванными переменой правительства и разрухой, работал по юридической части все время до 1957 года, когда Хрущев обеспечил служащих небольшими пенсиями, и у отца появилась возможность в свои семьдесят лет оставить работу.

Как только отец ушёл с работы, он засел в Ленинской библиотеке и начал работать над записками. Сначала писал о своём отце, а затем о своем детстве, отрочестве и юности. О своей дальнейшей жизни отец писать не стал, уклоняясь от объяснения причин.

Мне казалось, что люди должны оставить о себе память о своей жизни в эти тяжелые годы. Записки отца написаны хорошим живым языком. На мой взгляд, они интересны, как и всякая мемуарная литература. Поэтому я очень настаивала на продолжении этой работы.

В конце шестидесятых годов отец передал мне один экземпляр своих Записок, надеясь, что их можно будет напечатать. В 1972 году отец умер. Я привела записки в порядок, отредактировала их по своему разумению, перепечатала и, как мне кажется, подготовила к дальнейшей жизни.

С. А. Занковский

Воспоминания с рождения до революции

Ранние воспоминания

Моего рождения я, конечно, не помню. Впоследствии я узнал, что родился 28 ноября 1887 года в Москве, в Девкином переулке, в доме Милованова в квартире на втором или третьем этаже. В этой квартире я помню небольшой зал с блестящим паркетом: он остался у меня в памяти потому, что, катаясь там на трехколесном велосипеде, я упал и расшибся так, что на меня и окружающих это произвело большое впечатление. Помню прихожую – там брат Николай, только что приехавший из Финляндии от Фрау Нахтигаль, сам без посторонней помощи надевал пальто – это было удивительно, и он демонстрировал свое умение с удовольствием. Помню нашу детскую, где мы с Николаем спали в кроватках с кисейными пологами. В этой комнате я как-то схватился рукой за стекло горевшей керосиновой лампы. Мои пальцы мгновенно к нему прилипли, были боль и крик. Помню, мы с Николаем как-то нежились утром в кроватках и не хотели вставать; тут вошел Карл Федорович Гартман – органист лютеранской церкви и друг отца, велел нам вставать, а так как мы не слушались, он взял графин с водой и вылил из него воду сначала на одного, потом на другого. Это было неожиданно и даже невероятно. Отец и Карл Федорович громко смеялись, а мы были удивлены и растеряны. Помню еще, как я ходил с нянькой зимой гулять с Красным воротам и брал с собой воду в пузырьке. Я был очень доволен тем, что, если мне захочется пить, у меня есть запас воды.

Вероятно, в 1892 году мы переехали в дом №6 по Немецкой улице, которой отец купил около этого времени. В этом доме я прожил с 1882 до 1904 года, затем с осени 1905 по осень 1919 года, так что с ним у меня связаны почти все воспоминания детства, отрочества и значительной части зрелого возраста.

Когда-то этот дом был окружен порядочный усадьбой, в саду протекала речка Синичка, стояли громадные липы, осины, были яблони и груши, уже одичавшие. Между особняком и одним из флигелей были ворота с нишами по бокам, в которых раньше должны были стоять статуи. Ворота были двустворчатые, железные кованые, с калиткой и очень тяжелые, так что открывать их и закрывать было трудно. Двор был большой, а за ним сад. В саду стояли две беседки: одна чудесная белая с крышей и куполом, другая двухэтажная уже поздней постройки, что-то в виде небольшой дачи. Под особняком находился полуподвал под сводами – у нас там была белая кухня, ванная, кладовая и жила прислуга. Над всем особняком был обширный чердак, заваленный всевозможным хламом, в котором мы рылись и иногда откапывали, как нам казалось, превосходные вещи. Вход в дом был со двора – большое полукруглое крыльцо под навесом, высокие двойные двери, первая прихожая, за ней вторая прихожая, она же буфетная или вторая столовая. Из столовой была одна дверь в отцовский кабинет с двумя окнами в сад, с невысоким потолком, еще двойная дверь вела в большой зал – высокий с тремя окнами в сад. Еще такая же дверь в столовую с тремя окнами на улицу, затем по фасаду дома гостиная, тоже с тремя окнами на улицу. Она была соединена с залом аркой. Из второй прихожей вела вверх лестница в две небольшие комнаты – антресоли, с низким потолком. Оттуда был вход на чердак, и там помещались мы с Николаем. Вторая, меньшая часть дома, была занята неким Амфлетом. Это был немец, слесарь – механик. Его мастерская помещалась у нас же в небольшом каменном сарае.

Амфлет занимал пару комнат внизу особняка, кухню и три – четыре комнаты на антресолях. У него была жена и четверо детей, в том числе двое нашего возраста. Мы к этим детям

часто ходили и Фрау Амфлет нас иногда угощала фанкухенами, по-нашему блинчиками. Через год или два Амфлеты от нас уехали, и мы заняли весь дом.

Мое первое воспоминание на Немецкой: нас с Николаем привели к отцу в спальню. Он лежит в постели на боку, смотрит на нас, смеется, а мы барахтаемся. В этой семейной сцене мачеха участия не принимала.

Следующее воспоминание: мы с Николаем пытаемся установить контакт с младшими Амфлетами. Я выдернул мочальный хвост из игрушечной лошади и просовываю его к ним через замочную скважину. Потом, помню, было дело к весне, и я захворал скарлатиной. К нам ездил известный в то время детский врач Корсаков – маленький и горбатый. Он не велел мне есть, но кто-то из сердобольных взрослых накормил меня просфорой, и мне стало хуже. Опять приехал Корсаков, констатировал ухудшение и приготовился колоть мне ухо, но здесь вступился отец. Он в то время уже начал воспринимать кое-какие идеи о вреде медицины и полагал, что не нужно мешать природе самой бороться с болезнью. Отец велел тут же перенести меня из темной комнаты с закрытыми завешенными окнами в большой светлый зал и велел там открыть окна. Была весна, на солнце было тепло, воздух из сада шел чудесный, я начал быстро поправляться и мое ухо осталось в целости.

Через несколько дней один из наших молодцов на нашем же иноходце отвез меня в Сокольники на дачу, которую отец снимал в том году за шестьсот рублей. С этой дачей у меня тоже связано немало воспоминаний. Как-то отец посадил меня в себя на иноходца – вероятно, хотел прокатиться со мной. Но тут иноходец опустил голову пощипать траву, и передо мной как бы разверзлась бездна. Мне показалось, что я не удержусь на его гриве и соскользну вниз. На этом опыт кончился.

В Сокольниках мы часто ходили на Старое гулянье – это примерно там, где сейчас аллея, ведущая к детскому городку. На Гулянье были карусели и главная приманка – балаган с Петрушкой. Сцену заменяла небольшая рама, где один человек с пищиком во рту разыгрывал несложную историю Петрушки, который всех обижал, но наконец был схвачен и утащен, по-видимому, в ад. Всё представление продолжалось минут пятнадцать и пользовалась неизменным успехом. Действующие лица (там было около десяти персонажей) говорили на разные голоса, а Петрушка пищал, что делалось с помощью несложного жестяного пищика с резиной. На меня этот Петрушка производил потрясающее впечатление, я запомнил весь текст и, вероятно, немало надоедал окружающим. Отцу это нравилось, он был человек увлекающийся и, когда видел то же в других, им сочувствовал.

Как-то, вернувшись вечером из города, отец принес мне куклу – это был один из Петрушкиных персонажей – и сказал, что нашел его в лесу. Я был удивлен и обрадован. На другой день отец таким же порядком принес мне вторую куклу и так, через несколько вечеров подряд, у меня оказался весь антураж. Последним появился Петрушка с носом крючком, которого, по словам отца, он увидел висющим на дереве. Потом появилась рама для представлений и даже пищик для воспроизведения Петрушкиной роли. Дальнейшего не помню; помню только, что воспроизвести спектакль оказалось труднее, чем смотреть его, и даже не так интересно.

Тогда, по молодости лет, я не понял, в чем тут дело, и не извлек из этого урока ничего для себя полезного. Но даже и много позднее, а пожалуй, и до сих пор, я не всегда понимаю, что нельзя судить о видимом по первому впечатлению и считать, что явление ты знаешь, когда на самом деле ты имеешь о нем самое смутное представление. Именно так, как сказано у Гейне: «Тогда я был молод и глуп, сейчас я стар и глуп».

На этой же даче произошло еще одно событие, как будто маловажное, но имевшее для нас с братом нежелательные последствия, не раз омрачавшие наши отношения с отцом.

Отец к этому времени сделался вегетарианцем, и не просто, а неистовым вегетарианцем. Он перестал есть ту пищу, которая в глазах окружающих была, бесспорно, необходима, вкусна и питательна. Наша белая кухарка Аннушка готовила необыкновенно вкусно. Особенно

я любил ее мясные котлеты – нежные, с ароматом жареного мяса, пропитанные маслом, бефстроганов, который она тушила в сметане, и цельные яблоки, начиненные жареным миндалем и сахаром и запеченные в слоеном тесте. Отец объявил, что все это не нужно, вредно, называл это мясостроганием и перешел на постные супы и каши – и то и другое несоленое, что было удивительно невкусно. Правда, кроме этого у него были фрукты, орехи, финики, винные ягоды, изюм, что тоже было вкусно, но заменить Аннушкины кушанья не могло.

Отец в своем увлечении охотно посадил бы на супы и каши весь дом, но мачеха восстала категорически, и он со своими тощими блюдами оказался одинок, ел их один, а мы по-прежнему все ели хорошо и обильно.

И вот как-то раз, на этой самой даче, мы с Николаем после своего обеда подсели к отцу и уплетали его лакомства – орехи, чернослив и так далее, то есть увлекались светлой стороной медали, не обращая внимания на ее теневую сторону. Отец в нашем увлечении нам потворствовал и говорил, как это все вкусно и вдруг неожиданно спросил у нас: Дети, не хотите быть вегетарианцами?

Как сейчас помню, у меня мелькнула мысль, что я попал в ловушку, но перспектива получить неограниченный доступ к орехам и так далее казалась заманчивой. Да и что мы могли ему ответить? Нам было по шесть – семь лет. Мачеха не возражала: ее собственных детей это не касалось. Она просто махнула на это рукой, и мы с того дня, который я серьезно считаю несчастным для нас с Николаем, поплыли в фарватере отцовского вегетарианства.

Отец был очень доволен: теперь в своем эксцентричном начинании он был не одинок, у него были последователи – люди совсем молодые, перспективы в смысле распространения дерзкого опыта значительное расширялись.

Понятно, что ничего путного из этого выйти не могло. В нашей семье, со всеми чадами и домочадцами, отец со своими идеями вегетарианства был абсолютно одинок; его никто не понимал или понимал превратно. Я помню, как няня моих маленьких сестер красавица Маша со слезами на глазах говорила, что «барин наш перешел в итальянскую веру». Решение отца обратить и нас в свою веру встретило осуждение всех домашних, и нас с братом по молчаливому соглашению начали тайком от отца кормить общим столом. Отец же, убежденный в своей правоте и увлеченный идеей вегетарианства, ревниво следил за тем, чтобы мы обедали с ним и ели только его блюда. Для нас это было ужасно. Его супы и каши буквально не лезли в рот, орехи и сладости так надоели, что опротивели на долгое время, и я даже теперь к ним равнодушен. Перед уходом в школу нас кормили общей едой потихоньку от отца в комнатах, где спала прислуга; обедали мы также где придется и кое как, так как попасться отцу на глаза было не дай Бог. Он не ругался, не сердился, но умел поставить дело так, что его боялись, как огня.

Раз чуть не попалась наша бонна, Адель Федоровна. Она принесла в детскую сковороду с горячими котлетами и потчевала нас, как вдруг послышались шаги отца и ей ничего не оставалось другого, как сесть на эту сковороду.

По утрам, особенно в воскресенье, после обедни отец играл у себя в кабинете на фисгармонии, а мы в столовой могли безбоязненно уплетать мясо, колбасу, сыр, пить кофе пока слышалась его музыка.

Но как только музыка стихала, надо было делать видимость, что мы не едим ничего недозволенного. Эта ложь в питании буквально отравила мне детство. Получилось совсем уродливое положение: представление об отце неизменно было у нас связано с впечатлением этого кошмара в детстве. В наших отношениях к отцу еще долго сохранялось натянутость.

Из этого моего печального опыта я вывел заключение, что, как бы ты ни был убежден в своей правоте в любом вопросе, никогда не пытайся вбить свои убеждения другому силой.

Начало ученья

Как-то осенью 1885 года мы с отцом были в гостях у К. Ф. Гартмана в его флигеле, во дворе Лютеранской церкви Святого Михаила в Гороховом переулке, где он занимал должность органиста. Отец уважал Гартмана: тот был старик веселый, решительный и отлично играл на органе.

В тот раз мы сидели у К.Ф. на крылечке и смотрели на ребят, проходивших в бывшее тут же реальное училище, известное под названием училища Св. Михаила. Мы с Николаем были тогда еще совсем цыплята, в коротких штанишках и в курточках с белыми воротничками, а у меня еще были длинные белокурые волосы в кудрях.

Вот мы смотрели на ребят в форме реалистов в картузах с кокардами и с ранцами за спиной, и таким это казалось далеким. Вдруг отец, по-видимому, принявший какое-то решение, неожиданно спросил нас: «Хотите поступить в реалисты?» Карл Федорович эту мысль поддерживал и обещал оказать содействие, которое, как я понимаю, было вовсе ненужным, так как не принять нас в первый подготовительный класс не было никаких оснований. Опять, как и в вопросе о вегетарианстве, что мы могли ответить отцу? Но перспектива надеть форму привлекала.

Через пару дней мы с Николаем уже сидели за партами в первом подготовительном классе, оба в формах, я, как был, с длинными волосами, за что меня тут же прозвали «Лизкой».

Когда я поступал в школу, мне было семь лет и восемь месяцев, я говорил по-немецки, по-русски мог читать и, вероятно, немного писать. В первом подготовительном классе преподавали русский устный и письменный, немного арифметики и Закон Божий – все это на русском языке. Только географии в первом классе преподавалось на немецком языке.

Русский язык преподавал некто Вертоградский – мужчина лет сорока пяти, с бородой. Он учил по своему учебнику и начинал с долбежки правил грамматики.

Впоследствии мне привелось прочитать этот учебник Вертоградского, и в предисловии я прочел его умное высказывание: «Чтобы выучить правила грамматики, надо потребовать от ученика умение обобщать известные явления языка».

От маленьких учеников этого требовать было нельзя, и поэтому Вертоградский в противоречие со своей установкой сводил все к зубрежке правил, которых я не понимал и запоминал плохо. Способ оценки работ учеников был простой: диктант без ошибок – 5 диктант с одной ошибкой – 4, с двумя – 3, с тремя – 2 с четырьмя – кол. Дальше идти уже было некуда, и у меня не было надежды выйти куда-нибудь выше единицы.

Как шли арифметика и Закон Божий я не помню, но никаких шансов перейти во второй подготовительный класс у меня не оказалось, и я остался бы на второй год, если бы не пришла на помощь судьба.

В 1895 году умер царь Александр III. Москва погрузилась в траур. Около Красных Ворот стояли большие усеченные пирамиды, затянутые черной материей с серебряным глазетом и царскими вензелями. На престол вззошел Николай Второй и весной 1896 года должен был короноваться в Москве. Вот в связи с этим национальным торжеством мы были освобождены от переводных экзаменов и я оказался во втором подготовительном классе, хотя заслуги моей в этом не было никакой.

Лето 1896 года мы жили на даче в Измайлове – тогда говорили «в зверинце». Дачу помню смутно. Осталось в памяти, что мы с тетками Хильмой и Наташей ели картошку, печеную в кожуре – это называлось «в мундире» и тетки учили нас экономить сливочное масло, что, наверно, исходило из добрых традиций немецких семей. Я тогда же проникся уважением к сливочному маслу и клал на картофелины совсем маленькие кусочки.

Купаться ходили на пруд в купальню. Там раз я видел, как двое мальчиков лет по восьми в форме какого-то училища упали в воду и были уже под водой, но их тут же вытащили из воды «молодец», очевидно, отпущенный с ними. Рожа у него была растерянная. Он чувствовал себя героем и в то же время соображал, что от хозяев ему будет головомойка за то, что не доглядел.

На даче мы жили, вероятно, до половины сентября, и добираться оттуда до школы было чистое мучение. Мы вставали в шесть часов, ехали до Семеновской заставы на извозчике за двадцать копеек, там садились на конку или на линейку, ехали до Немецкой улице, заходили домой, на кухне потихоньку от отца пили чай с маслом и колбасой и шли в школу.

В школу на большую перемену приходил булочник с большой корзиной, где были слойки, пряники и главное, жареные пирожки по 5 копеек штука. Я их обожал, но денег никогда у нас не было и о пирожках можно было только мечтать. В этом тоже была особенность нашего дома: несмотря на царившее в нем обилие, наличные деньги ценились как-то преувеличенно и истратить десять – двадцать копеек помимо денег, ассигнованных на хозяйство, почиталась недопустимым.

С хождением в школу была связана еще одна неприятность. Недалеко от училища Святого Михаила находилась одна из городских начальных школ, в которой учились ребята до пятнадцати лет. Между нашим училищем и этой школы существовала давняя вражда «реалистов» и «городских».

Наши шестиклассники могли «всыпать» любому городскому, так как были старше их, но те, как меня взыскательные, были воинственнее наших. Кроме того, их подталкивала классовая ненависть, поэтому они били наших «в шею» и «по морде», что было неприятно и даже страшно, особенно последнее.

Когда ко мне вплотную подходили «городские» и недвусмысленно угрожали, душа уходила в пятки; а когда мне раз дали «по морде» так, что я даже не успел опомниться, было совсем плохо.

Дома у нас это положение недооценивали. Я иногда заходил в магазин и мне давали «молодца» в провозатые, но это только туда. Назад же надо было идти одному. Иногда мы шли из школы группой, но это не спасало и, если навстречу попадалась группа городских, мне опять было не по себе.

В школе было плохо. Теперь я понимаю, что четыре с половиной года, проведенные в этой школе, были зря потраченным временем. Я ничего не делал, а если немного зубрил, то совершенно не понимал того, что запоминал механически. Во втором классе началась немецкая грамматика и это было еще хуже русской. Немец – плотный старик с большой седой бородой и оловянными глазами, входил в класс, садился за стол, протирает очки, раскрывал журнал и, обведя глазами класс, говорил: «Сюда прийти» и называл фамилию тех, кого вызывал. Вызванные человека три – четыре шли к нему, становились в ряд и начиналось: презенс, перфект, плюсквамперфект, футурум 1 и так далее. Я мог запомнить, как изменяется глагол при спряжении, но было совершенно непонятно, когда и какое время употреблять.

Потом пошла география, что было совсем плохо. Преподавал географию высокий, худой, с козлиной бородой инспектор по прозвищу «селедка». Занятия он свел к зубрежке тоненького учебника, в котором были перечислены названия всех немецких государств, княжеств больших и малых с названием их городов, указанием числа жителей, что они производят, на какую сумму и так далее.

Все эти сведения почему-то считались для нас необходимыми. Мы их зубрили, и я лично зубрил цифры без малейшего представления о том, что эти цифры действительно выражают что-то существующее, а не просто так написаны в книжке. Толку от зубрежки никакого для меня не было, и я в этой науке не преуспевал. В таком же положении были многие, но некоторым удавалось как-то держаться на поверхности, то есть идти на «тройках», а мне это не удавалось, и я тонул безнадежно.

Будучи на уроках в большинстве праздными, мы развлекались как могли: главным образом перестреливались бумажками из маленьких рогаток или перебрасывались разными предметами, что под руку попадется. Наша сторона всегда оказывалась в невыгодном положении: Мы сидели у стены, и в нас можно было бросать чем угодно, так что иногда мы были вынуждены лезть под парту. Другая же сторона сидела вдоль окон, так что бросать в них нужно было с выбором, иначе можно было разбить стекло, что грозило большими неприятностями. Поэтому приходилось бросать в них мягкими предметами, например, жеваной бумагой, что снижало темпы.

Вот в таких условиях я во втором приготовительном классе остался на второй год, затем был переведен в первый класс и там тоже остался на второй год. Это был уже 1899 год, мне исполнилось двенадцать лет, и я явно отставал. Николай во втором приготовительном сидел один год, но в первом классе остался на второй год, так что по учебе он был старше меня на один год. Оценивая сейчас мое положение в то время, я полагаю, что в неуспеваемости были виноваты не мы с Николаем. Дело было в том, что за нашим учением никто в доме не следил, никто не интересовался нашими успехами, домашними заданиями. Отцу было некогда, у него были свои заботы, неприятности и масса дел. Бонны тоже ничего не делали в этом направлении, да по уровню своих знаний и не могли ничего делать. Мачеха вообще в счет не шла по молодости лет, да и образования у нее никакого не было.

Если бы нам в то время взяли опытного репетитора, и он провел бы с нами работу, которую не делали педагоги в школе, мы наверно учились бы не хуже других.

В Пятовске

В один из этих годов учения, точно не помню, когда именно, мы в первый раз поехали на лето в Пятовск, наше родовое гнездо. Тогда Киевская дорога еще не была построена, и мы ехали с Курского вокзала на Орел, там останавливались на пару дней у тетки Марьи – сестры матери, оттуда ехали до Брянска, пересаживались на Полесскую железную дорогу и ехали до станции Унеча, оттуда уже на лошадях до Пятовска двадцать пять верст.

Как мы ехали эти двадцать пять верст не помню. Помню меня удивило, что как свои, пятовские, так и чужие мужики при встрече с нами снимали шапки, говорили на непонятном русском языке и когда я обращался к ним, они не понимали. В этот первый приезд запомнил я только, что был дождь и оказалось, что большой дом протекает. На потолке в столовой было большое пятно в виде просвирки. Все суеились, подвозили возы с соломой и один из пятовцев, служивший у отца в Москве, в исступлении кидал охапки соломы на чердак, чтобы остановить воду.

В эти же годы второй раз я приехал в Пятовск при обстоятельствах для меня совершенно необыкновенных. Я учился во втором приготовительном классе и должен был быть по всем признакам оставлен на второй год. Было грустно, неловко и противно. И вдруг как-то утром меня зовут к отцу в кабинет, там мачеха и наш мельник из Пятовска. Не помню, что именно было сказано, но смысл был тот, что мальчику надо дать отдохнуть, учиться осталось недолго, поэтому, дескать, ты поедешь с мельником в Пятовск. Это было неожиданно и чудесно. Первое – что тут же, как по волшебству, я отделялся от школы, от Вертоградского, от «немца», «селедки» и всего нелюбимого окружения. Второе – то, что я поеду не с отцом или с мачехой, и даже не с кем-нибудь из домашних, а с мельником, которому я не подчинен. И, наконец, дорога, вагон, пересадки, а в Орле тетка Марья, муж тетки Марьи и дедушка Николай Максимович – все это было очень заманчиво, а на деле оказалось еще лучше.

На дорогу отец и мачеха дали мне по рублю – это было два рубля, то есть такая сумма, что мне до того даже не снилось. Когда мы сели в вагон на Курском вокзале, по вагону проходил нищий под видом пассажира, у которого только что вытащили деньги, и он просил пассажиров помочь ему и его семье купить билеты. Мне показалось, что в моей власти осчастливить этого человека, но я воздержался и два рубля остались у меня.

В Орле мы, как всегда, прожили несколько дней у тетки. И тетка, и дядя за нами ухаживали и побывать у них было громадным удовольствием. Дядя повел меня в табачный магазин, где торговали кое-какой галантереей и там купил мне за два рубля сорок копеек кожаное портмоне со многими отделениями.

Всем хозяйством в Пятовске в то время и позднее до 1904 года ведала наша экономка Дарья Николаевна, жившая в доме еще девочкой, воспитанницей тетушек Софьи Николаевны и Елизаветы Николаевны. Они звали ее Дашенькой.

Мы приехали перед Пасхой. В усадьбе из нашей семьи, то есть из семьи отца никого не было, и официально усадьба была пуста. Но так как приехал я, несомненный представитель этой семьи, то Дашенька протопила большой дом, меня поселила в одной из спален и повела дело так, как будто хозяева живут в усадьбе. Я был в тот приезд единственным представителем нашей династии, все почести сыпались на мою голову, что было очень почетно, но иногда стеснительно. В церкви я стоял на первом месте слева у алтаря, и не я сам становился туда, а меня выдвигали. К причастию меня пускали первым, после обедни выносили просфору и подавали ее мне, как, вероятно, было заведено моим дедом и прадедом. На пасху в дом пришел батюшка с причтом, служили молебен и разговлялись у пасхального стола. Всей церемонии командовала Дашенька, но на первом месте стоял я.

Помню, что к пасхальной заутрене я не пошел: вероятно, Дашенька меня пожалела и уложила спать. Я проснулся около двенадцати часов ночи, была полная тишина. Я вышел в столовую, освещенную одной лампой: там был накрыт большой пасхальный стол, заставленный основными блюдами: окорок, телятина, птица и жареный поросенок, стоявшей на своих ногах с лимоном во рту. Была тишина, народу никого. Я пробежал столовую, дверь на двор была открыта. Темнота, тишина и опять никого. Я испугался и боялся вернуться в дом, боялся остаться во дворе. Как все это кончилось, не помню. Вероятно, молящиеся вернулись из церкви, сели разговляться и я тоже с ними.

Вспоминается отец Федор, который священствовал тогда в Пятовске и умер там в 1906 году девяноста лет отроду. Он принял приход от своего отца, тоже священника, даже умершего в алтаре. Наш отец Федор был подлинным деревенским пастырем. На селе его уважали, работал он по крестьянству наравне со всеми, и когда кто-либо из прихожан работал на него, он сам ему отработывал.

Вспоминаются старшие сестры отца Елизавета Николаевна и Софья Николаевна. После того, как мой отец стал единоличным владельцем Пятовска, выкупив доли братьев и сестер, тетя Лиза уехала в Стародуб, где купила небольшой дом, а тетя Соня осталась в Пятовске, в небольшой усадьбе, выстроенной для нее отцом, на краю деревни рядом с церковью.

Этих моих тетушек я помню хорошо, но поразмыслить об их судьбе, представить себе их жизнь в усадьбе довелось только теперь: раньше по молодости лет и свойственной этому возрасту глупости и жестокости мне это и в голову не приходило.

Тетя Соня была старшая. Умерла она в возрасте девяноста лет с небольшим в 1904 году, следовательно родилась, как говорится, на заре девятнадцатого века. Всю жизнь прожила в деревне, замужем не была и так и называлась барышней. Я ее помню худенькой старушкой с остатками зубов, со сморщенным лицом, но легкой в движениях, энергичной, одетой в простое платье, с платком на голове и мужицких высоких сапогах. Когда ей было лет шестьдесят — семьдесят она взяла на воспитание ребенка, Радько Емельяна Ивановича. Он жил у нее, сначала в большом доме усадьбы, а затем с ней в ее маленьком домике. Она заботилась об его образовании: он окончил учительский институт и потом был преподавателем в городских училищах.

Тетя Лиза была младшая, умерла в 1909 году. Роста она была невысокого, полная, по характеру властная. Она на месте сидеть не любила, была легка на подъем и много разъезжала, даже будучи уже в годах. Ездил в Тифлис к брату Илье¹, хорошо знала маршрут по военно-грузинской дороге. Ездил по монастырям, в том числе была в Соловецком монастыре, и мне рассказывала, что в самый монастырь монахи женщин не пускают, но ее пустили, так как она, по ее словам, никого соблазнять не собиралась. Уже когда была старше семидесяти лет, ездила в Иерусалим на поклонение гробу Господню, причем ехала не как турист с какими-нибудь особыми удобствами, а как обыкновенный богомолец в толпе других верующих. В эту поездку мы ее провожали до Осколкова, и я помню, что она была в восторге от предстоящего путешествия. Когда бывала у нас в Москве или потом в Петрозаводске, она не могла примириться с тем, что ее Сашенька — мой отец, который был младше ее почти на тридцать лет, не ест соли, которую она считала необходимой и полезной. Отец в смысле изгнания соли из своего меню, конечно, не уступал, но из уважения к старшей сестре истории не устраивал. Когда мы при ней пили кофе со сливками, а на столе была халва, которую мы очень любили, она приказывала: «Пей кофе со сливками или с халвой»; я ей доказывал, что одно не заменяет другого, но она была неумолима и роскошествовать не позволяла.

¹ Илья Николаевич Занковский, (1832 1919) — российский художник, живописец и график. Более подробная информация в примечаниях составителя в конце книги.

Тетя Соня, прожив в Пятовске всю жизнь, умерла там же и похоронена в церковной ограде нашей церкви.

Тетя Лиза умерла в Стародубе, и так как была очень религиозна, то духовные пастыри собирались похоронить ее в церковной ограде ее прихода в Стародубе, возможно, имея в виду некоторую выгоду от этого. Отец, узнав о ее смерти, приехал в Стародуб, когда траурный corteж уже направлялся к кладбищу. Он остановил corteж и велел везти гроб в Пятовск. Духовные особы пробовали возражать, указывая, что такова была воля покойной. На это отец сказал, что, возможно, она так и говорила, но ее постоянное желание было после смерти лежать со своим отцом и матерью у себя в деревне. Так и сделали: отвезли ее в Пятовск, и там она лежит со всеми теми Занковскими, которых события не развеяли по ветру.

Проучившись остаток зимы 1897—1898 годов, я был оставлен на второй год, что вовсе не было неожиданностью ни для меня, ни для моих домашних руководителей. Как-то весной, придя из школы, я вошел в кабинет отца, где за его столом сидела мачеха и, притворившись удрученным этой якобы по отношению ко мне учиненной несправедливостью, сообщил ей эту новость. Она сделала вид, что удивлена и разочарована, чего на самом деле не было, но делать было нечего.

Не помню, почему мачеха в то лето задержала свой отъезд в Пятовск и отправила туда только меня со своими девочками Шурой и Соней. Они были еще маленькие, лет по пяти – шести, у них были няньки, а я был кем-то вроде старшего. Мы ехали опять через Орел, останавливались у тетки Марьи, где были встречены, обласканы, накормлены. От станции Унеча к тому времени уже была проложена узкоколейная железная дорога до Стародуба, всего тридцать три версты. Дорога проходила село Осколково, откуда с правой стороны в трех верстах была видна наша усадьба... Сколько раз я подъезжал к Осколкову и всегда заранее смотрел в ту сторону, чтобы поскорее увидеть усадьбу!

Эту железную дорогу строили при мне. Строил ее один из наших местных жителей, кажется помещик, Александр Андреевич Водинский – беспокойная натура, неутомимый предприниматель. Достаточных средств он не имел, работу вел через подрядчиков в кредит, оборудование тоже получал в кредит. Как бы то ни было, дорогу он построил, и она работала исправно, без катастроф. Каждый день из Стародуба на Унечу и обратно шли два поезда с одним пассажирским вагоном и двумя товарными, вроде тех, что в 30-ых годах бежали в Англии между Ливерпулем и Манчестером. Машинистом был долговязый парень, раньше работавший у отца на паровой мельнице. Мы иногда просили его замедлить ход паровоза и дать нам возможность на дороге из Осколкова в Стародуб соскочить на ходу, что сокращало дорогу до нашей усадьбы.

Помню, что в тот наш приезд в Пятовск моей главной задачей было организовать в Осколкове встречу мачехи, которая должна была вскоре приехать со всей своей свитой.

Дарья Николаевна приготовила большой дом, были наняты повар и кучер, лошади и экипажи приведены в порядок в состояние полной готовности. На моей обязанности лежало выехать за мачехой на станцию, но я не знал точного дня приезда, и это меня беспокоило. Не помню уже каким образом, но я получил сведения, что она приедет в такой-то день. План встречи у меня был готов: две парные коляски, бричка и телега для вещей. Я должен был дать сигнал, по которому вывозились экипажи, смазывались оси, выводили лошадей, и они стучали по бревенчатому полу, надевали на лошадей сбрую, кучера одевались в яркие цветные рубашки, бархатные безрукавки и круглые шапки с павлиньими перьями, надевали белые перчатки и весь corteж подавали к подъезду.

И вот в один прекрасный день мы так-то выехали в Осколково, и мачеха не приехала! Было общее разочарование, и виноват в этом был я, но раз уж я вступил на этот путь, ничего другого не оставалось. На другой день я опять дал сигнал, и она опять не приехала, то же и на третий день: не едет и все тут. И на станции чувствуем себя неловко: какие-то дурачки,

едем целым кортежем и никого не встречаем. На четвертый день я поехал с девочками на паре в город посоветоваться с тетей Лизой, но на всякий случай по дороге завернул в Осколково взглянуть на поезд. Поезд подошел и, к моему ужасу, я увидел мачеху со всей ее свитой. Мачеха сделала разочарованное лицо и сказала: «Не сумели встретить». Я попытался оправдываться, но не было мне оправдания. Адвоката у меня в то время не было, и я так и остался виноват.

Насколько мы еще в то время были детьми, видно из наших игр. Мы пристрастились ездить верхом на палочках и гоняли наперегонки, причем в нашем представлении были палочки, которые бегали медленно и были быстрые палочки; эти мы ценили особенно, на них победа будто бы была обеспечена. С нами в то лето жил воспитанник тети Сони, Емеля Радько. По-видимому, у тети Сони его не очень баловали изысканными блюдами, мы же обычно не съедали всего, что нам клали на тарелки. Недоедать же было воспрещено, поэтому мы клали часть своих блюд ему на тарелку, чем он был очень доволен. Помимо этого, он всегда старался съесть что-нибудь, по его мнению, особо питательное, и мы по его наущению варили какао на сливках и вбивали туда еще желток яйца. Получалось приторное густое месиво, которое мы с Емелей пили, убежденные в его целебных свойствах. Иногда, когда у нас не оказывалось какао, мы снаряжали какого-нибудь малого верхом к тете Соне, он привозил оттуда какао и вместе с нами пил эту гущу.

Среди наших деревенских друзей был один – Васька по прозвищу «Шокол»; он как-то приучил себя есть сырым живую рыбу и охотно эту свою способность демонстрировал. В то лето этот Васька изобрел способ колоть толстые суковатые поленья. Он буравил в полене дыру глубиной 15—20 см, насыпал туда порох из Николаевой лаборатории, затем забивал дыру деревянной пробкой, в пробке сверлил буравчиком тонкое отверстие и вставлял в него фитиль из пакли, смоченной в масле. Потом он зажигал фитиль, после чего мы все убегали и прятались за какое-нибудь укрытие. Через пару секунд раздавался сильный взрыв, пробка вылетала и полено оказывалось расколотым на части.

Этот же Васька охотно пил спирт – тоже из Николаевой лаборатории – и не только неразбавленный, но даже настоящий на красном кайенском перце. Выпьет мензурку в сто грамм и, к нашему удивлению и восхищению, даже никак не реагирует.

Живя в Пятовске, мы часто ходили к дяде Володе в его усадьбу: это было совсем недалеко. Дядя любил пчеловодство, был в этом деле большой искусник, говорил, что пчела его любит. У него в усадьбе росло порядочное число лип, поэтому в некоторых ульях он собирал липовый мед, в отличие от остального – преимущественно гречишного. Мне больше нравился гречишный, удивительно душистый. Когда летом едешь полем цветущей гречихи, ветер доносит чудесный запах цветов, запах сладкого меда. Как-то мы с Николаем, бродя возле дядиных лип, открыли, что листья липы имеют некоторый своеобразный вкус и их даже можно есть. Мы тут же их наелись, и результат оказался плачевным: болела голова, тошнило, и нас отпаивали молоком.

Когда еще отец жил с нами Пятовске, я объелся грушами так сильно, что стонал и катался по полу от боли в желудке. Мне пытались помочь, но все без толку. Послали в город за доктором, тот приехал, ни к какому решению не пришел и велел подождать. Тогда за меня взялся отец: он велел принести в детскую ванну холодной воды из криницы и посадил меня туда. Было ужасно холодно, я стучал зубами, но терпел: другого выхода не было. По истечении десяти минут меня из ванны выпустили, я согрелся, желудок подействовал, всю хворь как рукой сняло и мне захотелось есть. Этот случай еще раз убедил отца, что «доктора – шарлатаны».

В какое-то из лет, что мы проводили в Пятовске, жители Стародуба были порадованы новым развлечением. А. А. Водинский в целях рекламы своей железной дороге устраивал по воскресеньям экскурсии из Стародуба до станции Водинского, примерно в двадцати верстах от города. С утра на станцию города подавались два состава со скамейками на открытых

платформах, украшенных флагами, играл духовой оркестр, и экскурсия начиналось. Дорога шла по совсем невысокой насыпи, а в большей части на одном уровне с большаком, и было очень интересно сидеть на открытой платформе – совсем как в коляске, но ехать гораздо быстрее, перегоняя все другие виды транспорта. Станция Водинсково была расположена в лесу; построек были всего одна изба и водокачка на небольшой речке. На полянке, расположенной тут же за станцией, устраивались игры, танцы под оркестр, вечером фейерверк. Как-то в одну из таких экскурсий был обещан запуск воздушного шара с двумя пассажирами. Приехав на станцию, мы целый день гуляли в лесу, разводили костры, ходили за грибами, купались – словом, делали все то, что обычно делают дети большого города, когда их выпускают на волю и предоставляют самим себе. Вечером смотрели обещанный запуск воздушного шара. Шар действительно был: склеенный из бумаги размером не больше двух метров по диаметру, наполненный горячим воздухом, он эффективно поднялся выше самых высоких сосен и упал объятый пламенем. Были и пассажиры в виде двух лягушек в корзиночке, привязанной к шару. Эта экскурсия пользовалась популярностью, и за это надо воздать должное предприимчивости Водинского.

Впоследствии, в 1907 году, я встретил его в Питере на Невском. Он был также полон энергии и с воодушевлением рассказывал, что строит новую дорогу где-то около Киева.

Едем в Петрозаводск

Осенью 1998 года отец уехал в ссылку в Петрозаводск. Мы с Николаем доучились до Рождества и поехали на каникулы к отцу.

Это была наша первая поездка в Петрозаводск. Мы знали только адрес отца: Петрозаводск Олонецкой губернии, Зарека, дом Маликова. Еще знали, что надо доехать до Питера, а оттуда на лошадях четыреста шестьдесят верст. Что это за передвижение на лошадях, как оно осуществляется – у нас никто не знал. Было загадочно, необыкновенно и интересно.

Отец написал, чтобы мы ехали из Питера по Финляндской железной дороге до станции Сердоболь², куда он нам вышлет лошадей из Петрозаводска и там уже не четыреста шестьдесят, а всего триста шестьдесят верст. В провожатые нам дали Ефима, одного из молодцов магазина. Ефим был из Пятовска, сын богатого козака, воинскую повинность отбывал в Варшаве в гродненском полку, так что мужик был образованный и мог ориентироваться в любой обстановке. Ефиму дали пальто из своего магазина – шубу на лисьем меху с барашковым воротником. Нам купили шерстяное белье, валенки, овчинные романовские полушубки, овчинные же тулупы и шерстяные «нансеновские» шапки, которые можно было опускать вниз, и тогда закрывалось все лицо, оставляя открытыми только нос и, по желанию, рот. Когда мы, в виде опыта, все это на себя надели, выяснилось, что ходить в этой одежде, то есть передвигаться самостоятельно, нельзя; можно было только полулежать в санях, на что, собственно, она и была рассчитана. Поездка через Сердоболь нас очень устраивало еще и потому, что мы могли по дороге заехать в Выборг и повидаться с фрау Нахтигаль и ее мужем, у которых Николай после смерти нашей матери воспитывался в раннем детстве.

И вот в один из дней начала декабря мы проснулись с радостной мыслью, что в школу идти не надо и что с ней временно покончено. Встали позже обычного, пили чай в торжественном молчании, потом собирались (собственно, мы не собирались, но хлопотали все вокруг нас). Потом пришли батюшки-священники отслужить молебен Илье пророку – покровителю путешествующих, мачеха нас благословила, и мы с Ефимом и многими провожающими двинулись на Николаевский вокзал – путешествие началось.

Как мы сели в вагон 2-го класса и ехали до Питера, не помню. Питер помню: когда мы вышли с вокзала на Знаменскую площадь, было темно, погода мокрая, на земле слякоть. Поехали на Финляндский вокзал. Там Ефим при покупке билетов до Сердоболя дал кассиру сто рублей и ему дали сдачу серебряными рублями, что было очень неудобно, так как весило около фунта и оттягивал карман. Он охал, но делать было нечего, и он еще долго бряцал серебром в кармане своей лисьей шубы.

Помню Выборг. В то время Финляндии жила уже по новому стилю, и там был канун Рождества, а у нас до Рождества было еще далеко. Городок был небольшой, но удивительно чистенький, улицы тихие, все покрыты белым снегом, светит луна и отчетливо выделяются контуры церквей и домов, совсем не похожих на наши. Фрау Нахтигаль с мужем жила в небольшом домике, комнаты которого были заставлены всякой мебелью. Ее муж – невысокого роста худой немец с бородкой, показывал нам свою флейту, на которой он играл в местном оркестре, и я был очень удивлен, когда узнал, что в неё надо вставлять гусиное перо, без него звук не получается. Нас уложили на добрых немецких перинах и покрыли такими же перинами – было тепло и уютно.

В Выборге мы пробыли не больше одного дня и по железной дороге поехали дальше на север до Сердоболя. Вагон был небольшой, с мягкими сидениями, типа наших московских

² Небольшой старинный городок в 270 км от Санкт-Петербурга, в Северном Приладожье, ныне известен в карельском произношении как Сортвала.

дачных поездов. Кроме нас с Ефимом не было никого, и мы носились по вагону, а Ефим делал вид, что нас догоняет. В то время мы были совсем дети и еще далеки от того, чтобы «пить слезы из чаши бытия». От Выборга мы ехали всего несколько часов и вышли на маленькой станции Сердоболя. Тут цивилизация, по нашему представлению, должна была кончиться, и мы дальше поедem «на лошадях». До некоторой степени мы были спокойны, так как знали, что лошадей за нами вышлет отец, значит сядем и поедem.

Вот в таком настроении мы вышли на крыльцо и стали глазами искать присланные за нами тройки. Но никаких троек не было. Так мы стояли в недоумении, но тут к нам подошел мужик в овчинном армяке, спросил Ефима, не мы ли такие-то, и выяснилось, что он – то за нами и приехал. Он повел нас недалеко к забору, у которого стояли двое небольших саней. Тут же стоял и второй кучер. Одни сани с кузовом для нас, другие для вещей. Когда мы это увидели, то ахнули: как можно, чтобы такая кляча повезла нас четверых, включая кучера, да еще по снежной дороге, где есть и ухабы, и заносы? Это показалось немыслимым, но деваться было некуда. Мы навалили вещи на открытые сани, сами втиснулись в кибитку, мужик сел на передок боком, замахал на лошаденку, и та с видимым усилием пошла. Конечно, о лихой езде, даже о езде сколько-нибудь сносной и говорить не приходилось, лошаденка тащилась кое-как. Тут выяснилось, что наша одежда рассчитана на мороз необыкновенный, а тут была чуть не оттепель. Когда же нам приходилось выходить из саней, мы чувствовали себя рыцарями, закованными в латы, и еле двигались.

Выходить же приходилось часто: на подъемах и при встрече с обозами, когда нам надо было свертывать с дороги. Когда я раз так-то вылез и обходил лошадь со стороны ее морды, она меня укусила за плечо, но до кожи не достала: помешали тулуп и полушубок. Это был единственный раз в той дороге, когда мне пригодилось мое обмундирование.

Ехали мы так: едем верст пятнадцать – семнадцать, останавливаемся где-нибудь на хуторе, пока была Финляндия, или у карелов в деревне, когда Финляндия осталось позади. Там кормим лошадей, сами пьем чай, закусуваем и часа через два – три едем дальше. Так за день делаем не больше двух перегонов, значит, в лучшем случае верст тридцать пять. Ночью спали.

Здесь я воочию увидел различие между бытом населения Финляндии и Карелии. У финнов дома в несколько комнат, полы крашенные, на окнах занавески, мебель мягкая, на столе в гостиной бархатная скатерть и лампы с цветным абажуром, кровати никелированные, с пружинными матрасами и стегаными одеялами – везде чистота. У карелов же низкие избы, крытые соломой или дранкой, окна маленькие. Избы топят по-черному, все закопчено, освещение – лучина, вставленная в железную вилку. Она горит довольно ярко, угольки с нее падают в стоящую под ней лохань. От лучины идет дым, но по сравнению с дымом от печки на него уже можно не обращать внимания. Спать в такой избе из рук вон плохо.

Надо сказать, что в то время так жили в Олонецкой губернии только карелы. Русские же жили там намного лучше: дома двухэтажные, печи с трубами, комнаты с убранством худшим чем у финнов, но большие, чистые, с мебелью. Конюшни в этих домах были устроены на втором этаже, откуда шли широкие скаты, по которым сводили лошадей. Иногда их запрягали в конюшне, и тогда экипаж прямо съезжал вниз.

Таким образом без особых приключений мы ехали дней семь или восемь и, наконец, доехали до села Святозеро, стоявшего на почтовом тракте Петербург – Петрозаводск, в шестидесяти верстах от Петрозаводска. Здесь уже действовала организованная ямская гоньба, та самая, с которой можно ознакомиться, если внимательно читать Пушкина, Тургенева, Гончарова и авторов воспоминаний, путешествовавших по России в первой половине 19-го века. Мы пересели на почтовую тройку, вещи переложили в нашу кибитку, вторую лошадь отпустили и через шесть – семь часов были уже в Петрозаводске.

Потом я по этой и другим дорогам Олонецкой губернии ездил много раз, так что тамошние порядки знал хорошо. Вспоминая езду на лошадях, описанную в литературе, вижу, что ко времени моих путешествий на лошадях многое изменилось. Не было фельдъегерей, которые «били в кровь ямщицкие морды» и скакали от Тифлиса до Петербурга семь суток; не было генералов, которые сначала спрашивали: «Чин не бей меня в морду имеешь?», а потом, не получая лошадей, тут же били в морду. Ничего этого уже в мое время не было. Дороги, мосты, станции и станционные постройки были много лучше, чем во времена «Евгения Онегина», но возможно, что это только в Олонецкой губернии. В Сибири, судя по «Сахалину» Чехова, было хуже.

Тракты Петрозаводск – Петербург и Петрозаводск – Вознесение были в хорошем состоянии и частично шоссированы щебнем. В других направлениях на Север шоссе не было, но дороги были укатаны и особого бездорожья не было. Говорили, что где-то в отдаленных местах были участки, где нельзя было проехать на колесах; там к хомуту лошадей привязывали длинные жерди, концы которых волочились сзади, а между жердями вешали люльку, которая и служила повозкой. Я до тех мест не доезжал и таким способом передвижения не пользовался.

На основных же, оживленных, трактах все было налажено, особенно когда имелась возможность пользоваться мирскими лошадьми, то есть лошадьми вольных ямщиков; однако и казённая почта работала вполне удовлетворительно. Станционные помещения были чистые, на стенах портреты царствующих особ, олеография – приложения к «Ниве». Стоимость проезда составляла три копейки за одну лошадь с версты и пятнадцать – двадцать копеек за пользование экипажем в пути. За эту же цену можно было иметь и мирских лошадей. На станциях почтовых и мирских всегда были самовары, топились печи, снедь обычно была своя, но можно было получить ее и от хозяев. Ехали обычно средний рысью десять верст в час, для фельдъегерей правилами были установлены скорость пятнадцать верст в час – это почти вскачь. В отдельных случаях за высокую плату давали отличных лошадей и те неслись вскачь.

Нам как-то дали таких лошадей от Шлиссельбурга до Лодейного поля (восемьдесят восемь верст) и взяли с нас двадцать рублей. Мы вышли во двор, там стояла тройка, которую три мужика держали под уздцы, ворота были заперты. Когда мы сели в сани, ворота открыли, мужики отскочили в сторону и лошади с места ринулись галопом и так скакали не переставая. Я засыпал, видя, как пристяжная вскидывает ногами, просыпался и видел то же. Дорогой отдыхали два часа и были в Лодейном поле через восемь часов, то есть за шесть часов проехали восемьдесят восемь верст. Самое лучшее было ехать не торопясь, но делать большие перегоны, на станциях подолгу не сидеть, ехать, конечно, и днем и ночью, и при таком способе дорога из Петрозаводска до Петербурга брала двое суток и обходилась на троих сорок – пятьдесят рублей.

В Петрозаводске

В Петрозаводск мы приехали днем. Отец нам обрадовался, а мы были удивлены, как хорошо он устроился. Дом был порядочный, двухэтажный, отдельное владение с надворными постройками, в их числе баня. В доме обширные сени в парадном и на черном ходах, на первом этаже пять комнат и кухня и на втором этаже шесть комнат. В доме было тепло. Нас немного беспокоило то, что мы тут все время на глазах отца, не пришлось бы есть вегетарианское. Но это устроилось: у отца были две прислуги, они готовили что хотели; сами, понятно, ели мясо, и так как Ефим ел с нами, то около них и нам перепадало.

У нас сразу оказалось много знакомых – семьи маленьких чиновников. У них были девицы, они научили нас играть в рамс, мы целые дни торчали у них, катались на извозчиках, что было очень дешево, ходили на каток, словом, развлекались вовсю и отец нам в этом охотно потворствовал.

В то время в Петрозаводске был обычай: брали розвальни, гармониста и по восемь – десять человек ездили по домам, где принимали ряженных, а принимали везде. Приедем в дом, там танцуем под гармонию краковяк, па-де-спань, польку и так далее; потом угощение – конфеты, орехи, закуски, желающим – водка, а затем в другой дом. Кроме этой, так сказать, самодеятельности в клубе устраивались официальные маскарады, пользовавшиеся огромным успехом, хотя вход туда стоит довольно дорого – восемьдесят копеек. Костюмы брали напрокат у местных парикмахеров: они имели некоторый ассортимент костюмов, париков и прочего реквизита. Можно было одеться Фаустом, Мефистофелем, пажом и так далее. В клубе были танцы под духовой оркестр, народа масса – приезжали, уезжали, вероятно, напивались, но все шло мирно и весело. Такие маскарады на святках в клубе устраивались не реже, чем через день.

В тот приезд мы встречали Новый год в семье пристава Чернышёва – молодого очень славного человека. У его жены было несколько сестер – наши постоянные дамы по танцам в маскарадах и по рамсу. Нам с Николаем тогда было по двенадцать – тринадцать лет, но и такие кавалеры ценились: москвичи, да и отец богатый.

Помню, в тот же наш приезд в Петрозаводске случился пожар: сгорело порядочное двухэтажное здание школы и интерната, где жили и учились девочки-сироты. Сейчас же был создан комитет содействия, собрали массу вещей, и эти вещи разыгрывались как призы в лотерее. Мы с отцом были на этом вечере; он несколько раз покупал нам билеты рублей на пятнадцать, а каждый билет стоил двадцать пять копеек. Мы на свои билеты выиграли массу вещей, и все эти вещи отец распорядился отдать тем девицам-сиротам, которые продавали билеты: это произвело большое впечатление и на нас, и на общество.

Мы с Николаем ездили в Петрозаводск четыре или пять раз зимой и летом, жили там подолгу, делали длинные экскурсии, и много моих воспоминаний связано с теми местами и людьми. Помню соседа отца, отставного чиновника Волгина, со своей хозяйкой, которую соседи называли собачья мать, так как она ютила у себя несколько собак без роду – племени. Помню двух ссыльных. Один, грузный мужчина с большой бородой, когда-то служил в архиве Московского окружного суда, там занялся склеиванием непогашенных гербовых марок с архивных бумаг и в результате очутился здесь. Другой, Аввакумов, в прошлом не то приказчик, не то небольшой купец волжского города. За что был сослан, не знаю; он одно время жил и кормился у отца.

Помню молодого парня Алексашку – он иногда работал у отца. Жил он со своими отцом, матерью и братьями в слободе, они рыбачили, занимались чем придется. Как-то летом на озере была сильная волна и ни одна лодка с пристани не рисковала выйти. Вдруг смотрю, идет Алексашкин отец с сыновьями, хлопочет возле лодки и собирается выходить в озеро. Их отговаривают, но они, не обращая внимания, делают свое дело. Поставили мачту, привязали два про-

долговатых бруса, выгребли лодку за мол и распустили парус. Лодку сейчас же подхватило, понесло по волнам. Одна поперечная рея тут же сломалась, парус затрепало, старик быстро убрал повисшей парус, выправил лодку, и они исчезли из виду.

Так я впервые увидел и запомнил людей бесстрашных, решительных и хорошо знающих свое дело.

В Петрозаводске лодки были в большом ходу, ими пользовались и с ними умели обращаться. Вместе с тем постоянно случались аварии, и многие погибали. В семье Алексашки впоследствии погибли отец и два или три сына, в их числе Алексашка.

Когда мы бывали у отца зимой, то по нашей инертности все больше ходили по гостям и в маскарад, реже на каток. Летом же все это менялось.

На пристани был небольшой спасательный отряд, его почему-то именовали «Яхтклуб». У него было несколько хороших лодок с парусами и даже один вельбот человек на восемь, на которой можно было поставить три паруса. Лодки можно было брать напрокат и даже можно было взять с собой матроса для обслуживания, однако прокат стоил довольно дорого и им редко пользовались.

Отец имел какое-то соглашение с начальством этой спасательной станции, и нам всегда с большой готовностью и бесплатно давали любую лодку и матросов. Я очень любил ездить на лодке с парусом: так чудесно плыть под парусом с боковым ветром на ту сторону залива. Обычно собиралась компания человека два – три и больше, иногда брали с собой котелок, на том берегу ловили рыбу, пили чай.

Как-то раз меня с Николаем взяла с собой жена Валегина в небольшую экспедицию за рыбой. В нашей лодке на четыре весла ехали два рыбака и нас трое. Поехали на залив к рыбакам за наживкой, маленькими рыбками, которых ловили тут же сетью. Нам дали этой рыбы ведро, и мы тронулись в путь. Ехали на какие-то острова верстах в сорока от Петрозаводска. Погода была тихая, в лодке гребли по двое, и через три-четыре часа мы приехали на остров. Там была порядочная изба, топившиеся по-черному и готовый запас дров, который мы вправе были сжечь, но перед своим отъездом обязаны были возобновить его в том виде, как нашли – неписанное правило, и оно строго соблюдалось.

Мы приехали на остров днем и сейчас же принялись за работу: приготовили наживку, снасти, все это в порядке разложили в лодке и поехали.

Способ ловли был такой: в мелких местах глубиной не больше трех – четырех метров втыкали в дно длинную жердь, втыкали глубоко, так что она стояла довольно прочно. К этой жерди привязывали длинную и очень прочную бечевку – масилигу, к которой через каждую сажень были привязаны лески длиной тоже в сажень. На конце каждой из этих лесок был обычный рыболовный крючок, но не из самых маленьких, а с расчетом на рыбу три-четыре килограмма. Другой конец масилиги также привязывали к жерди, воткнутой в дно озера на расстоянии около версты от первой жерди. У наших рыбаков таких масилиг было три, следовательно, они как бы закинули три громадных удочки, каждая на пятьсот крючков, но без удилищ и поплавков.

Поставив масилиги, мы вернулись на остров и начали устраиваться на ночь в избе. Затопили печь; к счастью, было тепло, дверь оставалась открытой, так что дым не весь оставался в избе, а висел под потолком густой пеленой. Нижняя часть избы была свободна от дыма, здесь можно было лежать или сидеть согнувшись. Кто-то из рыбаков наловил рыбы, сварили уху с картошкой, необыкновенно вкусную. Я с тех пор знаю, что рыба, если она приготовлена живой, много вкуснее, чем заснувшая.

Вечер был чудесный. Мы ходили по острову, покрытому лесом, потом легли спать в ожидании большого улова.

На другой день встали рано. Солнце еще не взошло, и над островом стоял небольшой туман. Развели костер, вскипятили чайник, напились чаю и поехали за добычей. Процесс

вынимания масилиг следующей: один гребет, другой вынимают бечевку, снимает с крючков наживку или рыбу, а третий аккуратно складывает бечевку и лески, чтобы они просохли. Всего у нас было 1500 крючков, рыба попалась не больше, как на пятьдесят-шестьдесят крючков, остальные были пусты. Я не помню точно название пойманных рыб. Были сиги с белым мясом, какие-то сорта форели с розовым мясом размеров разных, от одного до пяти килограммов, так что всего наловили не больше пяти пудов.

Когда выемка масилиг была закончена и рыба лежала на дне лодки, на остров возвращаться не стали, поставили парус и с хорошим попутным ветром поехали домой. Отъехав от острова, мы оказались, что называется, в открытом море. Ветер дул прямо с кормы, небольшие волны одна за другой обгоняли лодку и плавно ее раскачивали. Слева, очень далеко, виднелся берег, а справа была только вода и горизонт. Грести было не нужно, и рыбаки приступили к обработке: вооружившись ножами, они потрошили и присаливали рыбу. Добыча на каждого рыбака составляла около двух пудов, съесть столько сразу нельзя, следовательно, рыба шла в запас.

Тут мне один раз пришло в голову, что рыбаки превращают хороший продукт в негодный. Такая чудесная рыба, вкусная, сладкая (мы ее только что ели), а теперь ее посолили, она будет лежать без видимых признаков разложения, но когда ее приготовят, она будет такая жесткая и такая соленая, что есть ее можно будет только с хлебом и картошкой. Между тем озеро рядом, в нем рыбы всегда сколько хочешь, так нет: ее наловят сразу много, а потом едят соленую.

Когда я впоследствии читал «Пешеходную старину», я вспомнил эту рыбу. Там богатая помещица осенью резала много живности солила ее, и весь дом был обречен зимой в скоромные дни есть эту невкусную, надоевшую до крайности дичь.

Вторая наша большая экскурсия была на водопад Кивач; мы туда ездили, кажется, с Алексашкой. Кивач находится от Петрозаводска верстах в шестидесяти. Был нанят извозчик, который много раз возил туда любопытных, знал дорогу и все порядки. Мы выехали утром, чтобы успеть на водопад засветло. Сначала дорога, которая шла лесом, была сносная, но верст за десять пошел песок, и такой глубокий, что пришлось ехать шагом, а нам с повозки слезть. По дороге мы находили пропасть грибов похожих на наши белые. Извозчик нас предупреждал, чтобы мы их не брали, но мы набрали, потом зажарили, и они оказались горечи необыкновенной. Пришлось все выбросить. Когда до Кивача оставалось около трех – четырех верст, мы начали различать отдаленный шум, как будто ветер шумит в деревьях, но не порывами, а постоянно. По мере нашего продвижения шум усиливался, сделался похож на непрерывные удары грома, и тут мы выехали к водопаду, с правой стороны по течению реки.

Зрелище было необыкновенное: через реку – не очень широкую – шел мост, на другой стороне реки на высоком берегу виднелась беседка, а слева шагах в ста от моста в реку падала масса воды, и не прямо вниз, а клубами, как будто сразу опрокинули громадный бассейн, а выхода для воды нет, и она рушится, зажатая с обеих сторон.

Когда мы приехали, начинало уже темнеть, поэтому мы развели костер, пожарили наши грибы, выкинули их, поужинали и легли спать. На другой день с утра начали осматривать водопад. Оказалось, что до водопада река намного шире, чем внизу. С левой стороны по ее течению торчали камни, и по ним можно было идти от камня до камня, пока течение не становилось настолько сильным, что могло унести. Правый же берег был более обрывистый, таких камней там не было и виден был только большой камень, торчавший из воды далеко от берега, так что пройти к нему казалось невозможным. Но на нем большими буквами было написано чье-то женское имя. Потом говорили, что герой, запечатлевшей имя дамы, был чиновником особых поручений при Олонецком губернаторе, а женское имя соответствовало имени супруги губернатора, непосредственной начальницы чиновника.

Сначала мы с Николаем пытались добраться по камням возможно ближе к водопаду, потом решили подъехать к водопаду снизу. Ниже моста стояли лодки, мы сели и поехали про-

тив течения. Проехали под мостом, но оказалось, что вода нигде не стоит на месте, кружится в водоворотах. Лодку начал бросать и вертеть на месте, так что мы тут же поторопились вернуться. В то время Кивач был местом вполне диким и кроме таких случайных туристов, как мы, там никого не было. Наличие же беседки и моста объяснялось тем, что кто-то из царей захотел посмотреть эту свою достопримечательность, и местные власти вынуждены были построить и то, и другое, чтобы дать возможность взглянуть на водопад с обеих сторон реки.

Третья экспедиция, оставшаяся у меня в памяти, была далекая и очень интересная. У отца летом гостил один его московский знакомый, некто Захар Георгиевич Лесенко – мужчина лет сорока, механик, неудачник и изобретатель. В Москве он жил где-то в Измайлово в совсем-совсем маленьком домике со своей кухаркой и легавой собакой. Чем он зарабатывал себе на пропитание, не знаю. Вероятно, на что-то надеялся, но не служил, перебивался случайными заработками. Мы с Николаем его любили: он был человек славный, не вегетарианец и, бывало, помогал нам в области недозволенной пищи. Вот этот Лесенко, не знаю, по какому поводу, решил, что ему надо поездить по Олонецкой губернии в тех ее местах, где добывают разные полезные ископаемые. Отец предложил ему нас попутчики. Перспектива поехать с Захаром Григорьевичем в длительные путешествия, ловить рыбу и даже охотиться была заманчивой.

У Захара Григорьевича, по-видимому, был выработан примерный маршрут, проходивший, в основном, по большим богатым селам. Мы выехали утром в обычном экипаже того времени и тех мест – это коляска, поставленная на палках, которые идут горизонтально от передней оси колеса к задней: они заменяют рессоры, так как немного сгибаются под тяжестью кузова и пружинят.

Запомнились сёла, мимо которых мы проезжали. Стоят три-четыре двора, затем на расстоянии двух-трех верст еще пара дворов, и несколько таких маленьких поселков носят название одного села, если в каком-либо из этих поселков есть церковь, или деревни, если церкви нет. В первом поселке мы остановились на целый день. Я обратил внимание на необыкновенную прозрачность воды озера в том месте: на порядочной глубине до 10 м дно было видно во всех подробностях, видны были камни, растения и даже рыбы.

Там мы ездили на ночную рыбную ловлю с помощью остроги. Делалось это так: к носу лодки прикрепили совок из железных прутьев, в совок положили сухие тонкие сосновые поленья длиной 15—20 см и когда они разгорелись, через нос совка яркий свет осветил воду, и видно было все дно, в частности, видна была и спящая рыба. Она лежит как полено к одному концу более тонкое. Рыба на свет реагирует слабо, но звук ее может спугнуть, поэтому грести надо одним веслом и возможно тише. Один из рыбаков вооружился острогой – это жердь длиной в пять-шесть метров, на конце которой прикреплены железные зубья: что-то вроде трезубца Нептуна. Этот рыболов, сидя на носу лодки, поддерживал огонь в совке и высматривал рыбу. Увидев силуэт рыбы, он старался ударить ее острогой, и при удачном ударе рыба должна была оказаться на зубьях.

Этот способ охоты очень интересный и неустойчивый, но удача бывает нечасто. Рыбу надо бить с выбором, только крупную – мелкая с зубьев соскочит. Кроме того, удар надо рассчитывать с учетом некоторого перемещение видимого предмета под водой.

Мы видели спящих рыб, были попытки ударить острогой, но все кончалось плеском воды, и рыба уходила. Уже возвращаясь с охоты на рассвете, мы спугнули дикую утку с утятами еще маленькими, не умеющими летать. Утка старалась от нас уплыть, но мы прижимали ее к берегу. Сама она могла легко от нас улететь, но не хотела оставить утят. При приближении к берегу ее положение резко ухудшилось. Когда мы были от нее уже в пятидесяти шагах, она решила прорваться и с утятами поплыла сначала прямо на нас, а затем быстро повернула под прямым углом и между нами и берегом ушла в озеро. Мы с братом пробовали стрелять в нее

из наших франкоток³, но бить пулями по движущейся цели мы не умели, и пули только прыгали рикошетом по воде.

В эту экскурсию мы побывали в местах, где велись разработки мрамора самых разнообразных пород. Местные мастера делали из него разные поделки: чернильницы, пресс-папье, коробки. Все это было гладко полировано, но вещи довольно грубые, тяжелые. В одном месте в горах мы видели залежи слюды и асбеста. З.Г. подробно объяснил нам, какая связь между этими минералами, и это было для нас хорошим наглядным уроком по естественной истории.

Частично наш маршрут пролегал по лесу. Мы шли довольно долго по лесной тропинке и по дороге зашли к леснику, жившему в глуши. Он нам с увлечением и очень подробно рассказывал про охоту на рябчиков с помощью дудочек, издающих особый мелодичный свист, подражающий переключке самца с самкой. Он говорил, что такие дудочки продаются в Петербурге в охотничьих магазинах, но те никуда не годятся, так как их звук на свист рябчиков не похож, «а это птица осторожная и малейшая фальшь в свисте ее отпугивает», поэтому он делал дудочки сам и с их помощью охотился успешно. Потом он перешел к делу и угостил нас свежими рябчиками, тушенными в сметане с жареной картошкой – это превзошло наши самые смелые ожидания, настолько было вкусно. Впоследствии я много раз ел рябчиков в сметане в лучших ресторанах Москвы и Питера. Иногда они только как бы издали напоминали тех, которыми нас угощал лесник в глуши лесной. Это объяснялось, конечно, не искусством его приготовления, так как повара в столицах были отличные, просто в лесу рябчики были свежие, а сюда их привозили замороженными и когда они попадали к повару, были уже с душком, а иногда и просто тухлые.

Пройдя лес, мы вышли к селению на берегу озера и на лодке поехали куда-то далеко в большое село, куда должны были приехать в день храмового праздника и где ожидалось много народа и говорили, что в казенную лавку этого села должны были привезти много водки.

В лодке, в которой мы ехали, было с нами восемь человек. Ехали под парусами, иногда гребли, а когда стемнело, пристали к острову, где должны были ночевать. Утром мы проснулись и еще до восхода солнца двинулись на лодке дальше. С этой ночевкой на острове кончаются мои воспоминания об экспедиции с З.Г.

Запомнился какой-то один из отъездов зимой из Петрозаводска. На это Рождество к отцу съехалось много народа: мачеха с двумя нашими сестрами и их нянькой Машей, нашей гувернанткой Антониной Николаевной Карташовой. Был и наш дед Василий Федорович.

Не помню, почему так вышло, что назад в Москву я с дедом и Ефимом выехали раньше. Помню, что во двор въехали тройка, было несколько человек провожающих. Дед сел слева в сани, я в середине и справа Ефим. Мы с Ефимом были в наших мехам, а дед в осеннем пальто без воротника и в суконные шапке. Мачеха что-то говорила деду по-немецки, вероятно, что так ехать нельзя – замерзнешь, отец тут же суеился в шубе внакидку. Он бросился к деду, хотел надеть на него свою шубу, но тот был упрям, лишнего говорить не любил, да у него по-русски это плохо получалось, только замахал руками, заворчал и мы уехали. Отец подсел на облучок и проводил на пару кварталов.

Ехать в Москву ужасно не хотелось, поэтому я настоял, чтобы мы на ночь останавливались на ночлег и ехали только днем, против чего мои спутники не возражали. В эту нашу поездку стоял исключительный мороз до 30° градусов по Реомюру, и мы сильно мерзли в кибитке, так как перегоны делали большие, до шестидесяти верст, что занимало не менее шести часов. Мы садились на сено, покрытое ковром, нас всех троих покрывали одеялом и подушками, и все же через два-три часа мороз пробирался – сначала едва заметно, потом все сильнее и сильнее, и часа через четыре начиналась настоящая мука: ноги стыли до боли, и дороге, казалось, не будет конца.

³ Охотничье оружие Auguste Francotte или «франкотка».

Как-то раз приехав на станцию, я попробовал плюнуть на крыльцо и убедился, что слюна тут же замерзла. Красное вино, которое мы везли в бутылке, замерзло хлопьями, и его приходилось разогревать возле огня. Я удивлялся на деда: мне казалось, что в осеннем пальто я бы непременно замерз совсем, но дед только поеживался, грел уши и ругался, когда кибитка спускалась к озеру на зимнюю дорогу. Озёра там часты, дороги по ним ровны и сокращает путь, пользоваться ими к неудовольствию деда приходилось часто, и он ругался обычной русской бранью, но с сильным немецким акцентом.

Последнее воспоминание мое об этой дороге: вечер, уже темно, мы спим, ямщик тоже задремал, лошади чего-то испугались, рванули в сторону и сани опрокинулись на правый бок. Мы с дедом оказались на Ефиме, дед испугался, думая, что мы провалились под лед, но потом все обошлось. Мы кое-как вылезли, уселись и поехали дальше.

Наше учение за границей Неожиданное путешествие

Осенью 1899 года мы вернулись из Пятовска опять в прежнюю никчемную школу, где я должен был опять ничего не делать всю зиму, оставшись повторно в первом классе.

Учеба шла из рук вон плохо, отец стал думать, что бы такое сделать и, как ему показалось, нашел выход. Он взял нас из школы, мы пропустили полтора года и осенью 1901 года поступили в Реальное училище Фидлера: я во второй класс, Николай в третий. Благодаря же фантазии отца этот перерыв в полтора года был заполнен сначала путешествием, затем учением в Германии, потом в Англии. В смысле учёбы, если это понятие свести к прохождению курса нашего отечественного среднего учебного заведения, это было явное и бесполезное отклонение в сторону. Но на деле это оказалось настолько интересным, дало нам столько впечатлений, позволило выучить язык, что я от всего сердца благословляю фантазию отца и еще раз убеждаюсь, что всё, что он для нас делал и нам советовал, было необыкновенно умно.

Около того времени отцу попалась на глаза брошюра К. П. Победоносцева «Новая школа».

Впоследствии, проходя курс гражданского права по пособию Победоносцева, я убедился, что этот «мракобес» и «злой гений России», как его называли либеральной газеты, был человеком умнейшим, интересовался широким кругом вопросов, в том числе, вопросами воспитания и обучения. Когда Победоносцев был в Англии, он усмотрел, что там есть кое-что новое в области образования, познакомился с людьми, которой работали в этой области, и свои впечатления и мысли по этому поводу изложил в названные выше брошюре. Победоносца писал, что кто-то ему рассказал об одном новаторе, некоем Сесиле Редди, открывшим свою школу, где ученики только живущие, и он их учит по какой-то своей особой программе и вносит что-то свое в их воспитание. Победоносцева познакомили с Редди, внешность которого, отличавшаяся от привычной для нас внешности педагога, произвела на него самое благоприятное впечатление. Именно это место в брошюре привлекло внимание отца. Он узнал адрес Редди и начал с ним переписку уже осенью 1899 года по вопросу о том, нельзя ли в его школу отдать двух мальчиков – Николая и меня. Как велась эта переписка, я не знаю. Вероятно, в Петрозаводске был кто-то знавший английский язык. Он писал от отца и переводил письма Редди, который русского не знал. Вероятно, Редди ответил согласием и даже на нашу беду согласился организовать для нас отдельный вегетарианский стол, поскольку отец, несомненно, не мог согласиться, чтобы его дети-вегетарианцы снова оказались мясоежками.

Когда мы приехали с Николаем на Рождество к отцу, вопрос стоял так, что прямо от него мы едем в Англию в школу Редди. Однако по какому-то поводу отец решение свое изменил. Мы вернулись в Москву, но меня из училища Святого Михаила взяли и отправили в школу некоего господина Краузе. Это школа помещалась в доме номер пять по Доброслободскому переулку. Я пробыл там недолго, вероятно месяц с небольшим. Помню, что уроков регулярных в классах не было, были ученики самые разнообразные, в основном мальчишки от десяти до шестнадцати лет, но были и девочки. Ученики бегали по всему дому, курили, выпускали дым в печные вытяжки, дрались, особенно с девчонками и ругались матерно. Это была самая возмутительная беспризорщина, однако сам Краузе был человек почтенный и, вероятно, даже извлекал из своего заведения некоторый доход.

Проект отца послать нас в Англию тогда, как я сказал, не осуществился, но осталась мысль послать нас в школу за границу. Вероятно, когда мачеха говорила по этому поводу с кем-либо из наших знакомых, было выдвинуто предложение отправить нас в Германию. К этому делу оказалась привлеченной наша бывшая бонна Амалии Васильевна Биркенштедт, настоящая русская немка в пенсне, немного глуховатая, спокойная, потихоньку от отца кормившая

нас недозволенной пищей, исключительная любительница путешествий. Она нашла школу – Реальное и торговое училище в Марктбрейхе на Майне, списалась с директором г-ном Даммом и тот прислал ей подробный проспект с программой, с видом школьного здания – и наша судьба была решена.

Начались сборы, которые проходили мимо нас и против чего мы не возражали. Наконец стало известно, что назначен день отъезда.

Мы с Николаем слонялись по дому, не делая уже решительно ничего и, вероятно, всем надоедали. С утра пришел священник с дьяконом и служащими и отслужил молебен. Мачеха растрогалась, благословила нас образками, которые мы должны были носить на шее. Тогда кресты носили все и у нас тоже были кресты, но те, что дала мачеха, были особенные.

После молебна были проведены окончательные сборы, то есть снесены вещи в прихожую, взяты извозчике на Смоленский вокзал (так тогда назывался Белорусско-Балтийский вокзал), потом все пошли в зал, там сели на стулья и сидели в молчании около минуты. Потом кто-то, вероятно мачеха, решительно встал, и начали одеваться.

Как мы ехали в поезде до Варшавы, я не помню. Приехав в Варшаву, мы сели на извозчика и поехали на Венский вокзал, где-то около Аллеи Иерусалимской. Извозчик был на нашего вовсе не похож: отличная коляска со скамейкой впереди, пара лошадей и кучер не в армяке и суконной шапке, а в пальто вроде сюртука, в цилиндре и с цирковым хлыстом вместо кнута.

Ехали мы на нем очень долго, мост через Вислу показался мне бесконечным, а когда мы выехали на центральные улицы города, то я был и вовсе поражен – так это было не похоже на наши улицы. На аллее Иерусалимской, по обеим ее сторонам, сплошная цепь магазинов, громадные окна, залитые светом, блестящие выставки товаров в витринах, масса гуляющих и поток экипажей, таких же нарядных как наш. Как мы приехали на Венский вокзал, доехали до Эйдкунена и там пересели в немецкий вагон, я не помню. Это было уже ночью, и спросонок я это не осознал. Но помню, что уже рано утром мы с Николаем ходили по немецкому вагону, совсем не похожему на наш. Купе было такого же размера как наше, но на каждой скамейке по четыре места для сидения, а спальных мест не было, можно было спать только сидя.

Шел поезд очень быстро, останавливаясь, резко замедлял ход, и трогал с места тоже как-то сразу, быстро набирал ход и снова мчался; остановке были редкие. Все это было необычно и интересно, но самым интересным был небольшой шкафчик на стене вагона. В отверстии этого шкафчика можно было опустить монету в двадцать пфеннигов, и тут же на подставку выскакивала коробочка, содержимое которой могло быть самым разнообразным: конфеты, папиросы, одеколон, шитьевой набор для небольшой починки белья, санитарной набор с пластырем и не помню уж что еще. Это было неожиданно, увлекательно и очень удобно. Мы перепробовали все сюрпризы, которые содержались в шкафчике, благо Амалия Васильевна в монетах нам не отказывала. Папиросы нам тогда еще не были нужны, и она, вероятно, отдала их кондуктору. Кондуктор тоже был не такой, как у нас. Выглядел он очень занятым, в обращении был вежлив и приветлив – вроде как хороший хозяин с гостями.

Помню, как мы вышли в Берлине с вокзала, и полицейский, стоящий тут же у выхода, дал Амалии Васильевне металлическую бляху с номером извозчика. Полицейский что-то выкрикнул, и к нам подъехал извозчик, внешне такой же великолепный как его собрат в Варшаве. Амалия Васильевна дала ему адрес гостиницы, и он тут же тронулся; при этом выяснилось, что гостиница была рядом с вокзалом за углом.

Гостиница, которую выбрала Амалия Васильевна, была солидная, старомодная, вся в коврах и тяжелых занавесках. Нам дали два номера: один поменьше для Амалии Васильевны и другой с двумя кроватями для нас Николаем. На кроватях лежали громадные перины и подушки, взбитые до отказа. Мы кое-как привели себя в порядок. Амалия Васильевна звонком вызвало кельнера, что-то ему заказала и вскоре он принес наш первый берлинский завтрак:

кофе, яйца, масло, ветчину, сыр и хлеб. Это все казалось нам тогда особенным, не похожим на наше и лучше нашего. Дома все это было, но было будничное, поддавалось на стол изо дня в день. Здесь же это было подано на стол со всякими выкрутасами: масло лежал в виде кружков на маленьких блюдечках, ветчина на овальном блюде, сыр на небольшой доске. Еще подавали мед, но я был избалован чудесным медом дядя Володя и этот мед показался как какой-то клейкой патокой, я его не ел.

После завтрака мы, как и полагается туристам, отправились осматривать город. Был взят извозчик, который возил нас по улицам часа два. Амалия Васильевна с ним разговаривала, и он давал нам объяснения. Показал Бранденбургские ворота, улицу Унтер ден Линден и так далее. Около двенадцати часов он привез нас к тому месту, где находится Гауптвахта и где в этот час происходит смена караула у королевского дворца. Происходило это так: сперва послышалась музыка и от дворца показался отряд солдат с ружьями на плечо, офицер впереди. Музыка – барабан и флейта – производят необыкновенно воинственное впечатление. Старый караул выстраивается перед гауптвахтой, а новый останавливается по команде перед гауптвахтой, ружья к ноге. Офицер поднимает шашку и идет к гауптвахте. Ему навстречу идет начальник старого караула, они обмениваются рапортами, старый караул берет ружья на плечо и уходит под такую же музыку, а новый занимает гауптвахту. Словом, все делается как при смене караула в первом действии оперы «Кармен». Солдаты знают, что это «интермедия» является одной из достопримечательностей Берлина, и стараются показать ее как можно лучше.

В тот же день проезжая по Унтер дер Линден, мы увидели открытую коляску, запряженную парой лошадей. Лошади, кучер и коляска были какие-то необычные, особенно богатые: в коляске сидели двое молодых людей в военной форме с касками на голове, руки в перчатках с большими крагами. Они не просто сидели, а как-то совершенно прямо, чуть подавшись вперед, голова высоко поднята, руками уперлись в колени и локти расставили.

За ними в некотором расстоянии ехала вторая коляска, такая же богатая, и в ней с левой стороны в военной шинели с каской на голове сидел Вильгельм II. Он смотрел по сторонам и отдавал честь прохожим, снимавшим передним перед ним цилиндры и шляпы. Его нельзя было не узнать по рыжим усам, тщательно расчесанным и заложенным так, что они под прямым углом шли вверх к глазам. Это называлось «усы а ля Вильгельм II», так что мы видели самого законодателя моды и самое моду в оригинале. Рядом с ним сидела императрица в пальто и строгой простой шляпке. Она тоже приветливо смотрела по сторонам и наклоняла голову. Прохожие держали себя совершенно спокойно, не останавливались и только снимали шляпы.

Еще осталось у меня в памяти посещение цирка Буша. В тот же первый день мы проезжали мимо цирка и видели, как возле него чистили громадный круглый кокосовой ковер. Вечером на представлении мы увидели, что этот ковер лежит на манеже вместо земли и опилок, как у нас было принято. Под ковром был дощатый пол, который раскрылся, через щели проступила вода, манеж превратился в круглой бассейн и начались прыжки в воду людей, лошадей, потом началась битва белых с индейцами и погоня. Помню, что мы все трое смеялись до упаду над клоуном, выдававшим себя за Бетховена.

Осталось впечатление от уличного транспорта. Конный транспорт был на железном ходу, но мостовые были гладкие, и шума от транспорта особого не было. На улицах было много небольших тележек, в которые были впряжены собаки – сенбернары или ньюфаундленды. Таким способом развозили хлеб, молоко, всякую небольшую кладь. Когда хозяину надо было отлучиться, собака ложилась около тележки и превращалась в сторожа.

После Берлина, где мы пробыли дня три, мы отправились в Мюнхен – столицу Баварии. Помню, что дорога была длинная, приехали мы туда поздно вечером, остановились в гостинице, названия которой не помню. На другое утро мы спустились в зал, и этот зал я помню до сих пор. В зале все было приготовлено для приема гостей, но народу совсем мало – рано. Столы накрыты, стоят вазы с цветами, тарелки, чашки, салфетки чисто накрахмаленные, вдали

буфет с какими-то сооружениями и над всем этим – великолепный чудесный аромат только что заваренного кофе. Мы сели за стол, и я увидел в окно, как в Мюнхене убирают улицы: на тротуаре и мостовой здоровые деревенские бабы в национальных баварских нарядах усердно мыли камни и асфальт водой и терли их щетками – мыли ничуть не хуже, чем хозяйки моют полы в своих квартирах.

В Мюнхене мы пробыли, вероятно, дней пять. В самом городе есть какая-то церковь с очень высокой колокольней, мы туда забрались и где-то далеко на юге увидели протянутую над горизонтом розовую цепь как будто облаков – это были швейцарские Альпы.

Были мы и за городом, где стояла громадная чугунная статуя «Бавария», в которую мы залезли и даже поднялись в голову; во лбу статуи сделано отверстие, в которое можно было видеть людей внизу, казавшихся совсем маленькими, и помахать им ручкой.

Были в оперном театре, слушали «Фиделию» Бетховена. В театре меня удивило, что цена всего партера одинакова, прохода по середине не было, а от оркестра по спинкам кресел шла толстая веревка, которая отделяла правую сторону от левой. Оперу и музыку я не помню, осталась в памяти фигуры мужа Фиделию, его поза в последнем акте.

Ходили по музеям, но в голове у меня ничего не осталось.

В Мюнхене запомнилась поездка на озеро, где выстроены дворцы баварского короля Людвига, подражавшего Людовику XIV. До озера поезд шел из Мюнхена около часа, подошел к паровой пристани, и там туристов ждал пароход с большой палубой, частью под тентом, и с буфетом. Пароход шел по берегу озера, заходил во всех достопримечательные места и наконец подошел к тому месту, где Людвиг утонул. Дворцы и парки содержались в отличном состоянии, видно было, что над устройством этого уголка много и со вкусом потрудились.

В Мюнхене мы посетили также специальный ресторан, где были сводчатые потолки, стены расписаны охотничьими эпизодами, столы и скамейки простые дубовые. Пиво подавали в глиняных кружка с оловянными крышками и прислуживали здоровенные бабы, одетые в баварские национальные наряды и с толстыми ручищами, в каждый из которых они несут по четыре-пять кружек сразу. В этом ресторане пили главным образом темное баварское пиво и ели сосиски – горячие, сочные и не переваренные. Пиво вкусное, но там есть алкоголь и у меня от одного стакана кружилась голова, поэтому я его не любил, но все же в малом количестве пил, поощряемый тем, что пьют все.

Школа в Марктбрейхе

Из Мюнхена поехали в Марктбрейх, где находилась наша школа. В то время там было две гостиницы: «Золотого льва» и «Золотого орла». Амалия Васильевна почему-то выбрала «Льва», мы там остановились, наскоро напились кофе и отправились заводить знакомство с новой школой. Выйдя из гостиницы, мы увидели Майн. Там это порядочная река, берега ровные, в ниточку. В разных местах у берега выкопаны большие бассейны, выложенной камнем и соединенный с рекой протоками длиной в четыре – пять метров и шириной в два – три метра. В таком бассейне можно купаться безопасно.

Наша гостиница выходила на улицу параллельную Майну, и примерно в пяти минутах ходьбы на другой стороне этой улицы оказалась наша школа, распространявшая светоч знания.

На улицу выходил каменный забор, над ним возвышались два здания в три или четыре этажа, одно из них с окнами на улицу. За зданиями небольшой сад, двор для рекреации и гимнастики. Все это с виду было довольно неудобно. Зелени мало – несколько деревьев, травы не было вовсе, а грунт засыпан мелким камнем с острыми краями, ходить по которым неудобно, а упасть и вовсе неприятно.

В первом корпусе были подсобные помещения, в подвале кухня, на первом этаже столовая и большой зал для приготовления уроков, на втором и третьем этажах спальни для живущих учеников. Во втором корпусе были классные комнаты средней величины, светлые, оборудованные картами.

Учеников было порядочно: человек двести живущих и около ста приходящих, возраст учеников от двенадцати до девятнадцати лет. Организована эта масса была умно: каждый живущий при поступлении получал номер, под которым в дальнейшем значился сам и все то, что к нему относилось: кровать, парта, шкаф для вещей, одежда, белье и так далее. Мой номер был 49 Николая – 74.

Первые дни мы жили в «Золотом льве», приводя свой внешний вид в соответствие с новым окружением. Местный деревенский портной сшил нам по штатскому костюму «как большим»: длинные брюки, жилетки и пиджаки, чем мы несказанно гордились. Были куплены рубашки с крахмальными воротничками и галстуками, чем мы гордились еще больше. Потом нас постригли, и меня удивило, что у местного «Фигаро» не было машинки для стрижки волос и он довольно неискусно управлялся ножницами. С этими приготовлениями окончились нашей счастливые дни у «Золотого льва», и мы были отведены в школу под мудрое руководство господина директора доктора Дамма.

О нас герр ректор знал, что мы слушать уроки на немецком языке не можем, так как для этого знаем его недостаточно, и проэкзаменовать нас по-русски не мог, так как не знал русского. Поэтому решено было нас оставить живущими, чтобы мы в немецком окружении быстрее освоили немецкий язык. Также решено было, что мы будем слушать кое-какие уроки в разных классах, но уроков нам задавать не будут: пускай ребята пока осмотрятся, а там будет видно. Конечно, это было неправильно, надо было нас включить в общее обучение сразу, а так мы оказались в глупейшем положении, то есть ничего не делали, как и в училище Святого Михаила. Однако мы жили в школе, где был установлен режим, рассчитанный на учеников, несущих полную нагрузку. Режим был следующий: ложились рано, и ровно в 9 часов вечера во всех комнатах гасили свет и зажигалась небольшая синяя лампочка над дверью комнаты. Спали на перине и под периной хорошо, но в пять часов утра начиналось мучение, звонил звонок, надо было вставать.

Полчаса было отведено на умывание, одевание, приведение в порядок постели, после чего в 5. 30 каждый должен был быть за своей партой в зале на первом этаже для приготовления уроков. За этим наблюдал господин Томпсон – бородатый немец, довольно бодрый ста-

рик, имевший у учеников репутацию почтенного и справедливого человека. Здесь его обязанности были несложны: он должен был сидеть за столом на небольшом возвышении и следить, чтобы все двести человек сидели смирно, по возможности уткнув носы в книгу, и главное не спали. В принципе за те два часа, что отводились на приготовление уроков, можно было сделать много, но тут оказывалась вот что: засыпали мы не раньше 10 часов, а будили нас в 5, времени для сна оставалось не более семи часов, а это было явно мало. Решительно все недосыпали, и в этом проклятом зале клевали носами и ничего не делали. Сидеть эти два часа было подлинным проклятием: спать хотелось до того, что кажется уснул бы в любой позе. Но если кто-либо из учеников забывался и начинал храпеть или свистеть носом, благочестивой господин Томпсон сейчас же его будил.

Так мы и сидели: некоторые пытались читать, некоторые занимались уборкой своей парты. Каждая парта запиралась, и получалось что-то вроде сундучка с личным имуществом. Немцы на уборку таких сундучков были великие мастера: они оклеивали стенки картинками, приделывали к стенкам и крышке коробочки разного размера для хранения ручек, карандашей, перьев, резинки и даже монет различного достоинства. Над этим занятием немец мог сидеть очень долго, но, когда уже все было сделано и переделано, он опускал крышку и начиналось томленье.

Я пробовал считать до тысячи; оказалось, что на это уходило полчаса, можно было повторить операцию четыре раза и дело с концом, но скоро я обалдевал окончательно. На почве вынужденного безделья вспыхивали страсти, но драться было нельзя, ограничивались руганью и угрозами. Теперь прочитавшему эти строки будет понятно чувство, которое я испытывал, когда в пять часов утра раздавался звонок.

После двухчасового сидения был небольшой перерыв, и около восьми мы были уже в столовой на завтраке. На завтрак кофе подавали готовым, то есть с молоком и сахаром, причем кофе был жидкий, молока и особенно сахара было мало. Ребята пытались подслащивать кофе сахарином, я тоже пробовал, но оказалось, что сахарин сахара заменить не может – быстро приедается. После завтрака шли в классы, но насколько я помню, занятия велись спустя рукава. Из учителей я помню только Томсона, других не помню вовсе. Уроки шли два часа, затем был маленький перерыв, и мы шли в столовую, где получали по серой тминный булочке; кто как мог сдабривал ее сыром или колбасой из своих запасов. Потом опять шли уроки, и в два часа был обед, по объему вполне достаточный.

Раз в две недели в пятницу полагался обед особенный: супа не было, каждому подавалась настоящая свиная отбивная с картофелем и на второе компот из чернослива с белой булкой. Качество обеда в глазах учеников стояло высоко: пятницу ждали, о ней говорили дня за два и потом еще долго обсуждали достоинства котлет и особенно компота.

Однако этот обед имел и свою теневую сторону. Миска с компотом переходила из рук в руки, начиная с сидевших у края стола. Немцы при этом проявляли необыкновенную жадность и полное пренебрежение интересами тех, к кому переходила миска, и накладывали себе компота, сколько влезет. В результате компота обычно не хватало. Начальство в это не вмешивалось, ученики не протестовали, но зато, когда в следующий раз миска шла в обратном направлении, обойденный ранее себя вознаграждал и наливал себе компота столько, что хватало бы на троих.

После обеда опять были уроки до четырех часов, потом перерыв до шести, когда каждый мог делать, что угодно. Мы с Николаем этим шансом не пользовались, так как делать нам было решительно нечего. Хотя мне было двенадцать лет, я не читал, вероятно потому, что русских книг у нас не было, а чтобы читать немецкие, надо было сначала запастись терпением и преодолеть первоначальные трудности. Поэтому я слонялся по комнатам, говорил с ребятами и проводил время в праздности. Впоследствии мы с Николаем пристрастились к прогулкам, но в начале нашего обучения никого из учеников в неположенное время не выпускали.

В семь часов был ужин, который состоял из одного второго блюда и пива. В столовую приносили бочонок пива, ученики сами выбивали пробку и разливали по кружкам согласно расписанию, кому сколько полагалось.

Мне сначала определили на глазок пол литра, но мне это показалось много, и мою порцию снизили до одной четверти литра. Разливали пиво сами ученики и строго соблюдали неписанное правило наполнения кружки до черты на ее стенке. При недоливе кружку молча возвращали, и ошибка беспрекословно исправлялось, при хорошем же наполнении с одобрением говорили: «Хорошо налито!»

В субботу вечером ужин был специально пивной: три куса хорошего швейцарского сыра и порядочный кусок свежей редиски, что к пиву очень подходит. В этот день ученикам разрешалось за свой счет купить еще одну такую же порцию пива, какую им отпускали каждый день. Таким образом кто в обычные дни получал литр пива, в субботу получал два литра, то есть по-нашему четыре бутылки.

Недаром в то время говорили, что из всех европейских стран Германия по потреблению алкоголя стоит на первом месте. Говорили, что немецкое пиво слабее нашего, так как содержит всего 3% спирта. Однако и это давало 30 граммов спирта на литр, что составляло 75 граммов водки. Выходило, что с пивом парень получал ежедневно порцию водки от одной средней рюмки до порядочной стопки, а в субботу это порция удваивалось.

По субботам немцы долго сидели за столом, потягивали пиво и рассказывали об обычаях, которые соблюдались за пивным столом. Кружка в одну четверть литра называлась «шопен», одну вторую литра – «глас», в литр – «масс». Знатоки пили пиво не понемногу, а залпом; считалось заслугой выпить залпом «глас» и сказать «доктор» без передышки, но еще лучше было выпить «масс» и сказать «профессор». Когда кружки были с крышками, их надо было ставить на стол закрытыми; если же кто по забывчивости оставлял свою кружку открытой, то сидевшие за столом ставили на нее свои кружки одну на другую, и первый должен был за все это пиво заплатить.

Наши воскресные развлечения в Марктбрейхе

По воскресеньям А.В. забирала нас к себе. Она занимала небольшой номер в «Золотом льве», и было ей, конечно, скучно. Я думаю, что наше появление у нее по воскресеньям было интересно и для нее, и для нас. В Марктбрейхе мы оставались редко, обычно с утра уезжали чаще всего в Вюрцбург – город побольше Марктбрейха. Езды по железной дороге до Вюрцбурга было около получаса. Стоял он на высоком холме, обнесенный высокой стеной, за которой видны были шпили церковей и замка, а кругом ров. Достопримечательностей Вюрцбурга, за исключением кондитерской, не помню. Кондитерский магазин был интересен разнообразием изделий и дешевизной. Было много изделий совершенно неожиданных: зубная щетка и градусник из марципана, берестяная тавлинка с деревянным дном и крышкой и с каким-то сладким порошком внутри. Все эти изделия были всего по десять пфеннигов, то есть по пять копеек на наши деньги.

Как-то раз наш школьный бадемейстер организовал экскурсию на лодке вверх по Майну. Он же нанял мальчишек, которые тащили лодку против течения. Интересного ничего не запомнил.

Один раз от школы была организована экскурсия в Нюрнберг. Ехали на скромных началах – всего по двенадцать или пятнадцать марок с человека включая дорогу и все содержание. Ехали в поезде несколько часов, остановились в гостинице. На другой день долго ходили по городу осматривали улицы, площади, старые дома и замок на вершине крутого холма. Во дворе замка показывали каменную ограду высотой в 1,5 метра, в одном месте которой было два глубоких следа конских подков. Рассказывали, что много лет тому назад был взят в плен в некий рыцарь, и он стоял со своим конем на этом дворе под надежной охраной. Те, что взяли его в плен, были так уверены, что он не сможет уйти, что предложили ему изыскать способ побега. Он в ответ вскочил на коня, дал ему шпоры, конь одним прыжком очутился на ограде, ударил в нее задними копытами, бросился в ров, переплыл его, и рыцарь оказался на свободе. Верить в подлинность событий никто не заставлял, но следы были налицо. Там же был интересный круглый колодец, должно быть очень глубокий. Показывали его так: сначала брали миску воды и плескали эту воду в колодец небольшими порциями через одинаковые интервалы, примерно в одну секунду. Когда таких порций набиралось шесть, то из колодца доносился всплеск воды – это упала первая порция. За ней мы слышали падения каждой следующей порции с таким же интервалами. Словом, наглядно доказывалось, что глубина колодца равна пути прохождения предметов в свободном падении за шесть секунд.

Для нас самым интересным в замке был музей старинного оружия и орудий пыток. Кольчуги, латы, шлемы, броня для лошадей, длиннейшие тяжелые копья с железным острием на конце, двуручные мечи – такие тяжелые и прочные, что одним ударом можно было пробить любую броню и то, что за ней спрятано. Надписи уточняли историю того или иного оружия.

Еще конкретнее и страшней были орудия пыток. Был меч, которым отрублено свыше двух тысяч голов, была подземная камера, в которой пытали преступников, но венцом всего была «железная дева». Это женская фигура, довольно высокая, в капоре и в плаще, который состоит из двух половин и раскрывается как шкаф с правой стороны. Дверцы шкафа с внутренней стороны унизаны толстыми, в палец, острыми гвоздями такой длины, что если в шкаф поставить человека, а потом дверцу закрыть, то человек будет проткнут гвоздями насквозь. Расположение гвоздей сделано с учетом фигуры человека, и каждый гвоздь имеет свое назначение: для колен, бедер, желудка, глаз, сердца и так далее – не забыто ничего. Тут же нам рассказали, что дверцы захлопывалась не сразу, а постепенно, чтобы дать участникам поразмыслить и хорошенько обдумать происходящее.

Вспоминаю, что в эту же поездку мы все вышли утром в гостинице к завтраку, нам его долго не подавали, и мы затеяли игру, будто сами обслуживаем посетителей. Кто-то из ребят выловил из аквариума пару небольших рыбок, положил их на блюдце, посыпал солью и перцем и подавал гостям. Те делали вид, что рыбок едят и они будто вкусные. После этого рыбок пустили обратно в воду.

Из моих детских наблюдения я вывел, что немецкие мальчишки придерживается правил воспитания даже тогда, когда за ними никто не смотрит. Помню, раз кто-то бросил во дворе на землю кусок тминный булки и вдруг видим, идет Томпсон с белой бородой. Увидев этот кусок, он нагнулся, поднял его, осмотрел и пошел дальше. Все немного притихли и потом пошли разговоры, что Томпсон человек основательный и хороший, не любит, чтобы хлеб валялся зря и, вероятно, отдаст его какой-нибудь собаке.

В школе нас учили вежливости: мы должны были при встрече с учителями в школе и вне школы здороваться с ними и снимать шапки. Это относилось не только к учителям, а вообще ко всем почтенным людям в городе. В голову не приходило, чтобы можно было кому-нибудь нагрубить.

На лечение в Лейпциг

Учение наше в Марктбрейхе не шло никак, и что главное, мы с Николаем совершенно не были в состоянии вынести вставания в пять утра и бессмысленного сидения в течение двух часов. Вероятно, А.В. сигнализировала как-нибудь в этом направлении (нас навещала мачеха по пути из Парижа, где она была на Всемирной выставке 1900 года) и в результате было решено по окончании весеннего семестра отправить нас на лечение к самому Луи Куне, после чего в Марктбрейх не возвращаться, а ехать прямо в Англию в школу Сесилия Редди.

Приезд в Лейпциг я помню. С вокзала мы отправились прямо в гостиницу, где я в первый раз обедал за табльдотом, то есть в общей столовой за одним столом с остальными гостями.

Первые день или два мы осматривали город, были в кабачке, где Мефистофель пел песню «Жила на светемышь, вся серая с хвостом».

Почему-то я один смотрел панораму «Лейпцигская битва». Панорама помещалась в круглом здании, все было устроено солидно. Как и полагается, вокруг картины царил темнота и пробираться надо было чуть не ощупью. Я был трусоват и шел, неся в сердце большой страх. Народа никого не было, и вдруг я увидел прямо перед собой каких-то людей. Они сидели неподвижно и напряженно смотрели в окно, за которым что-то происходило. Впоследствии я узнал, что эта группа восковых фигур помогала создавать впечатление действительного вида из окна, но в то время мне разбираться было некогда, я испугался, зажмурил глаза и бросился назад искать выход.

Лейпциг в то время был город большой: кажется, второй после Дрездена в королевстве Саксония. Прекрасные здания, площади, два театра, парк, роскошные магазины, нарядные экипажи – все это было европейское, как в Берлине. Говорили, что в Лейпциге плохой воздух, так как он окружен кольцом фабрик, но мы по молодости лет этого не замечали. Нам все казалось хорошо, главное же, мы могли спать досыта и не надо было сидеть до завтрака два часа, утомительных и бессмысленных.

Немного осмотревшись в городе, мы пошли к Куне в его водолечебницу. Его заведение мы нашли легко: оно занимало первый этаж жилого дома недалеко от Гайднштрассе. Из приемной направо был его кабинет, налево – небольшой коридор, в который выходили двери ванн-кабин. Кабин было немного: восемь или десять. Ими ведал средних лет мужчина – бадемейстер. Кроме этих ванн были еще и солнечные ванны. Наверху была устроена площадка с низкими топчанами и тюфяками, на которые ложились в чем мать родила, а лицо, чтобы не обгорело, бадемейстер закрывал лопухом.

Порядок врачевания был такой: новый пациент приходил в кабинет, там за столом сидел Куне, он приглашал пациента сесть возле себя, смотрел его голову, вертел ее во все стороны, тут же ставил диагноз, понятный ему одному, и прописывал ванны. Визит к Кунэ стоил пять марок, ванна одну марку, повторный визит – обязательный раз в неделю – три марки, так что в общем лечение стоило недорого. Своего стационара у Кунэ не было, но были хозяйки, у которых можно было снять комнату с вегетарианским столом. Нам было дано направление к некоей хозяйке на Гайднштрассе, которая отвела нам две комнаты. Комнаты были порядочные, на первом этаже, недалеко от Шайденпарк, куда мы ходили гулять.

Наша хозяйка кормила нас, по-видимому, в соответствии с указаниями Куна сугубо вегетарианской пищей. Мы, как могли, наш стол разнообразили: утром ели яйца, ветчину, колбасу. В вегетарианский суп клали мясной экстракт Либиха, второе ели с какой-нибудь мясной закуской. В воскресенье мы уезжали на целый день и где-нибудь в ресторане ели седло дикой козы тушеное с подливкой и овощами: оно было чудесно. Так что с питанием мы кое-как устраивались, в остальном же Кунэ досаждал нам мало.

В Лейпциге было два театра. Старый при нас был закрыт, а в новом шли представления, и мы туда ходили раз в неделю. Труппа была одна, но артисты с разнообразным репертуаром. Ставили драму, оперу и оперетту. Ведущей актрисой была некая фройляйн Линда. Она пела Фиделио, играла в драме и водевилях. Мне очень нравился водевиль «Свадебное путешествие», где фройляйн Линда играла главную и единственную женскую роль. Я смотрел его два раза, запомнил все реплики и позже, в Англии, записал весь текст на русском языке.

В Лейпциге мы много гуляли по городу, каждый раз ставя перед собой небольшую цель: выпить газированной воды, сходить за билетами в театр, пойти в парикмахерскую. В это время Николай преодолел первоначальные трудности чтения на немецком языке и взапуск читал Жюль Верна и Фенимора Купера в немецком переводе, а я еще до этого не дошел – был ленив.

В конце одной из недель мы с А.В. поехали в Дрезден на пару дней. Вероятно, она договорилась с Кунэ, и он дал нам отпуск. Езды до Дрездена всего несколько часов и днем мы были уже там, ходили и ездили по городу. Ткнулись в картинную галерею в надежде увидеть Сикстинскую мадонну, но галерея оказалась запертой. Посидели на Бюлловской террасе, тут же внизу протекала Эльба, по ней ходили небольшие пароходы и лодки с тентами. В лодке сидело человек шесть – восемь, а греб и управлял лодкой один малый, стоя на корме. Весло была длинное, движение на реке большое, лодку качало волнами проходивших пароходов, а малый ловко лавировал, и лодка шла довольно быстро.

Вспоминаю, что в кафе на Бюлловской террасе нам впервые подали кофе со взбитыми сливками. Это было ново и мне показалось не очень остроумно: я привык, чтобы кофе был хорошо насыщен сливками, здесь же под шапкой сливок кофе был черный, и для того, чтобы он посветлел, надо было всю эту шапку вмешать в стакан, после чего получался обычный кофе, но уже порядочно остывший. Николай же, напротив, пришел в телячий восторг и потом уже в Пятовске всегда заказывал себе к утру взбитыми сливками.

Из Дрездена мы съездили на экскурсионном пароходе посмотреть саксонскую Швейцарию. Мы сделали так, как это было рекомендовано туристам: по Эльбе доехали до какой-то пристани, там сошли, взяли извозчика, и он долго возил нас по лесу, показывал разные чудеса и объяснял, что к чему.

Так он привез нас к небольшой полукруглой поляне, на которой росло несколько деревьев, и объяснил, что мы находимся в партере зрительного зала, поляна перед нами – это сцена, а деревья – актеры. Были даже суфлер и директор театра, следивший за игрой актеров из-за кулис.

Теперь я понимаю, что все это глупости и смотреть на это надо снисходительно, но однако и такой вывод был бы односторонним и неправильным. Одно то, что люди так хорошо знают свои места, подробно их изучают, показывает, что они много работают над одним и тем же делом и в своей области становятся мастерами.

Извозчик, когда пришло время обедать, привез нас в местный ресторан. Мы сытно пообедали, пили пиво, потом он отвез нас на пристань, и мы на пароходе вернулись в Дрезден.

К концу нашего пребывания в Лейпциге, вероятно, в начале августа, там открылась ежегодная Лейпцигская ярмарка. Впоследствии я не раз читал, что на этой ярмарке многочисленные фирмы делают большие обороты и что она играет большую роль в экономике Саксонии. Тогда все это было нам ни к чему и нас интересовало гулянье, которым эта ярмарка сопровождалась.

Гулянье было организовано грандиозно и великолепно. Масса палаток с загорелыми продавцами в фесках были завалены деликатесами Востока: орехи, сухие фрукты, изюм во всех видах, что-то жареное, сладкое до приторности. Из развлечений были карусели, в основном как наши, но гораздо большего размера, с лошадьми, колясками и всевозможными зверями. Были карусели с пароходами, нырявшими по волнам, и все это огромное, приводившееся в движении паровыми машинами, а не руками как у нас. Были палатки с хитро устроенными двига-

шимися куколками: они шли длинной процессией, и наблюдая их, можно было узнать какую-то длинную историю. Были палатки с фокусами, и мне особенно запомнилась один из них. В ней комментатор – мужчина среднего возраста, говоривший замогильным голосом, объяснял все происходившее на сцене, и он же сопровождал действия тягучий музыкой, играя на небольшой хриплый фисгармонии. Актеры, появлявшиеся на сцене, только двигались и молчали. Комментатор рассказывал грустную историю молодой девушки, мать которой вышла замуж за негодяя, и он изводил девушку разными страхами.

Когда мы пришли еще до начала спектакля, эта молодая девушка сидела в зале возле комментатора и ела толстую жирную сосиску. Сама она была тоже толстая, лоснящаяся, в черном легком платье с распущенными волосами и взбитой челкой; мне тогда показалось, что такую тумбу вряд ли чем напугаешь. Звали ее по пьесе Эльзой.

Когда начался сеанс, Эльза сидела за столом, на котором стояла ваза с цветами. Расправляя волосы, Эльза взглянула на стол, и вдруг ваза исчезла, а на ее месте появился скелет. Что тут случилось с Эльзой, я не помню, так как был занят тем, что старался разгадать этот фокус.

Такой же фокус видел я раньше в Москве, в музее восковых фигур Шульца и Беньковского, помещавшегося в доме на углу Красной площади и Никольской улицы, на втором этаже. Там на сцену выходил джентльмен во фраке и говорил: «Вы видите, я стою перед вами, но сейчас я на ваших глазах исчезну» и действительно исчезал, куда и как – непонятно. Но сейчас я сидел в первом ряду в двух шагах от Эльзы, пялил глаза вовсю и наконец рассмотрел, что наискосок всей сцены от левого переднего угла стоит большое зеркало, в котором отражается все, что стоит за правый боковой кулисой. Так что на сцене актеров нет, они сидят за правой кулисой и в зеркале они видны, если освещены. Если же свет убрать, то они мгновенно перестают быть видны, исчезают.

Помню, что одним из последних наших развлечений в Лейпциге был спектакль в старом театре «Щука в карповом пруду». Спектакль шел с переодеваниями, маскарадом, и все это было так смешно, что мы с А.В. хохотали до упаду.

Проездом в Швейцарии

Из Лейпцига мы должны были ехать в Англию, в школу Сесилия Редди. Однако А. В. сумела как-то так устроить, что нам было позволено ехать в Англию через Швейцарию и некоторое время пожить там. Вероятно, это удалось Амалии Васильевне в связи с ее любовью к перемене мест, за что я ей весьма и весьма благодарен. Амалия Васильевна все заранее распланировала, запаслась путеводителями, составила райзеплан, так что мы ехали во всеоружии. Наши с Николаем приготовления выразились в том, что мы купили себе дорожной фляги на случай, если в горах захочется пить, повесили их себе на ремешке через плечо и были очень горды.

Наше знакомство со Швейцарией началось с Интерлакена, куда мы приехали к вечеру. Солнце уже заходило, но было еще светло. Мы вышли на площадь перед вокзалом, небо было чистое, светло-голубое, и только прямо перед нами довольно высоко над горизонтом были облака. Сначала я не обратил на них внимания, потом пригляделся и они показались мне странными, так как кое-где шли зигзагами. Когда же я всмотрелся внимательнее, то увидел, что это не облака, а гряды снеговых гор, и тут уж удивлению нашему и восторгу не было конца. Мы как-то сразу без подготовки увидели самое чудесное в Швейцарии – то, что не увидишь нигде в Европе кроме нашего Кавказа.

С вокзала мы пересекли площадь и тут же оказался наш пансион. Это был небольшой двухэтажный дом, одна сторона которого выходила на озеро – Интерлакен стоит между Ткунским и Бриенцским озерами – а другая на улицу. Для нас были приготовлены две комнаты; мы распаковали свое имущество, разложили вещи и поспешили на балкон смотреть горы. Вновь мы были поражены тем, что увидели: вершины гор – до того белые и голубые – теперь горели чудесным розовым огнем, как будто освещенные прожектором. Нам объяснили, что, когда солнце уже зашло за горизонт, оно освещает еще вершины гор и они светятся как бы сами по себе, это называется «альпийское свечение». Это было необыкновенно красиво, а для нас еще и ново и неожиданно.

Со временем в этой гряде гор мы стали различать три вершины: Мёнх, похожий на голову почтенного человека, Эйгер и Юнгфрау, напоминавшую профиль женской головы.

Пансион, в котором мы остановились, был обычным пансионом средней руки: комнаты обставлены простой мебелью, кровати деревянные, постели удобные, умывальник – таз и кувшин с водой, балкон с плетеными стульями на нем. Все это стоило пятнадцать рублей в неделю с полным обслуживанием и столом, куда входили утренний завтрак, обед, чай и ужин. На следующий день после приезда мы ходили по городу, купили альпенштоки и какие-то круглые фляги, якобы более пригодные для путешествия в горах.

Изо всех многочисленных экскурсий, которые мы тогда совершали, осталась в памяти прогулка в окрестностях Интерлакена. Дорога шла зигзагами в гору, кругом был лес. Мы с Николаем упражнялись с альпенштоками и шли не по дороге, а прямо в гору, цепляясь рогом альпенштока за деревья. Тут же, конечно, и сломали альпенштоки. Мы забирались все выше и выше и пришли, наконец, к какой-то площадке – цели экскурсии, откуда открывался вид на весь Интерлакен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.